

ВАШ ВЫХОД, МАЭСТРО!..

(часть первая)

Автор считает своим долгом предупредить, что все персонажи, появляющиеся на страницах этой книги, абсолютно реальны и в высшей степени правдивы. Любое сходство, обнаруженное между Вами, драгоценный мой читатель, и героями моих историй, целиком и полностью закономерно. Так что можете не сомневаться: таки да, это именно Вы!

Если вы любите человечество, но не можете войти в положение реальных кошек и цыплят, - вы любите из своего контейнера. Ответственность любви – это реальное сопонимание. Это когда вам удалось вылезть из мешка своей любви и ввинтиться в реальный мир любви...

Если ты одурманен, твоя улыбка – не более чем реклама зубной пасты. Нужно попасть внутрь, чтобы видеть и любить то, что там реально есть, - вот что красиво.

...Звезда – это сияющий свет внутри другого, видимый издали, светлячок смелых душ, слишком яркий, чтобы можно было подойти к нему без мужества и цельности натуры. Каждый живёт один в своём внутреннем пространстве; но интимность – за его пределами. Интимность – во внешнем пространстве, и если ты там, ты никогда не скажешь «... твою мать!» звезде...

Эрик Берн

Часть первая

выдержки из педагогического дневника и заметки на его полях

- Вперёд, - сказала мне Татьяна Юрьевна. И добавила с хитрым прищуром: - Сегодня оваций не будет. Не дождёшься.

Хлопнула дверь актового зала – вошёл гость из районо, последний «третейский судья» из ожидаемых.

- Вовочка, я тебя люблю! – одними губами прошептала она. И тут же, как всегда, с иронией: - Ваш выход, Маэстро!

Я переминался с ноги на ногу и исподлобья умоляюще выразительно смотрел на неё. Наверное, в моём взгляде легко читалось: «Не бросайте меня, Татьяна Юрьевна!..»

- Вовка, всё. Иди. Дети заждались! – тоном, не допускающим ни сантиментов, ни возражений.

И, когда я уже заходил в класс за детьми, пробурчала вслед:

- Попробуй только спектакль завалить, засранец!

- Дети способны простить всё, любую вашу странность, если только вы их любите, - говорила нам Татьяна Юрьевна. – Всё, кроме двух вещей, которых не прощают никому и никогда. Невыполненных обещаний и опозданий. Поэтому никогда ничего не обещайте – просто делайте. И не смейте опаздывать! Опаздывать могут только суперзвезды на встречу с толпой поклонников. А дети вам – не толпа и не поклонники, даже не зрители. Они такие же полноправные актёры, как вы. И, поверьте мне на слово, в большинстве своём куда талантливее вас, говнюков!

Мы сидели при свете свечей, группа «говнюков» и «засранцев», и жадно ловили в таинственной полутьме каждое её слово. Никаким селекционным отбором тут и не пахло. Но если она кому-то говорила два этих магических слова, или хотя бы одно из них, это звучало как её признание в любви. Это означало: ты принят. Куда? Трудно объяснить. Ну, наверное, в такую вот группу. Где во время разминки можно было услышать:

- А ну-ка, изобрази удивление. Удивление, а не страдание от

длительного запора, я тебе говорю! Не получается?.. Ну, так посмотри на Яшу. А ну, Яша, давай, пошёл, удивление!.. А чего, собственно, на Яшу смотреть-то. У него, говнюка, на физиономии такое удивление изображено, как будто ему в аптеке вместе со снотворным слабительное подсунули. Причём, обнаружил он это уже после внутреннего употребления...

- А ты, Солнышко, чего стоишь как Статуя Свободы в карнавальную ночь? Ну-ка, живо мне, монолог Ланцелота! Да так, чтобы челюсти у всех поотвисали!.. Ну, ты засранец! Заставил старую тётку тушь по щекам размазать... Подожди, щас зеркальце достану – я ж после твоих монологов страшнее атомной войны выгляжу ... Слушай, вот это сила, а? Даже я такого не ожидала!..

- ... и запомните: дети терпеть не могут фальши. Ни в чём. Поэтому не ставьте перед собой задачу убедить их, что **им** это нужно. Себя сначала убедите. И какая разница, кто: деревянный оболтус Буратино или безбашенно втресканный в Джульетту Ромео Монтеки. Если вы за что-то взялись – это должно стать, как минимум, смыслом вашей жизни. Хотя бы на ближайшие сорок пять минут...

...Дети меня обступили:

- Владимир Леонидович, вы, главное, не волнуйтесь! Мы будем стараться, честное слово! Мы вам такой спектакль отгрохаем, как для самой Татьяны Юрьевны, хотите?

- Вы мои умнички... - только и сумел пролепетать я.

1. «Мститель»

Учителем я стал из мести. Из мести тем многим, кто в своё время учил меня. Нет, в нашей школе тоже, конечно, были интересные, хорошие учителя. Но большинство... Но большинство – у которых во взгляде сквозило:

- сколько времени осталось до звонка на перемену, до окончания рабочего дня, недели, месяца, четверти, учебного года?

- что я здесь делаю, если у меня дома плачут дети (внуки), и моё обещание пойти с ними на каток, в кино, в театр или просто посидеть дома и почитать им книгу остаётся пустым звоном из-за этой клятой работы

- из-за этой клятой работы, за которую платят гроши, я не могу ни поехать отдохнуть, ни купить в дом новые шторы, ни подарить собственным детям (внукам) велосипед

- и зачем вас, извергов, плодят на свет в таких количествах; сначала плодят, а потом не знают, что с вами делать и как вас воспитывать

- а кто я, собственно, и зачем я?..

А бывают ещё глаза, которые выражают только полное ничего. И вот это самое страшное. И, перефразируя М. М. Жванецкого, сколько нас после знакомства с такими учителями должно попасть в колонии для малолетних преступников, чтобы они перестали, наконец, поступать в педагогические институты (теперь университеты)...

Как-то на уроке обществоведения учительница тусклым, бесцветным голосом объясняла нам, почему социализм прогрессивнее капитализма. Потому что, оказывается, у социализма есть конечная цель – построение коммунизма как высшей фазы развития общества. А у капитализма конечной цели нет. И тогда один весьма посредственный ученик, Вова Сапиро, не умевший мыслить широкомасштабно, в духе эпохи, задал глупый вопрос: хорошо, если коммунизм – самая прогрессивная формация – так? - то и у него должна быть какая-то своя конечная цель, которая отличает его, к примеру, от того же задрипанного капитализма. Какая это цель?..

...с криками и руганью меня выгнали из класса...

А то ещё на уроке литературы, в средней школе, нам задали написать сочинение о любимом художественном произведении. И класс разделился на две части. Одна написала сочинение по роману Островского «Как закалялась сталь?» А вторая – по роману Фадеева «Молодая гвардия». А я написал о Квентине Дорварде, Вальтера Скотта. За что и получил «четыре» - хорошее сочинение, но, как сказала учительница, к сожалению, не соответствует духу эпохи... Да, надо признаться, с «духом эпохи» у меня уже тогда не складывалось. Я понимал, что и у этих двух произведений есть, несомненно, свои художественные достоинства (особенно мне нравились юношеские

романтические приключения Павки Корчагина), но я понять не мог: как *такие* произведения могут быть *любимыми*??..

Так, проучившись 8 лет, я бесславно бежал из школы, от этих учителей и своего класса, с которым было просто смертельно скучно. Многие мне говорили: «Ты ещё ребёнок и не понимаешь... это были самые лучшие и беззаботные твои годы... вот увидишь, как через пару лет тебя потянет в школу! Вспоминать будешь, сам сюда придёшь!» «Ага, - думал я, тогда и по прошествии лет. – Сам приду... С автоматом я сюда приду!..»

...ну хорошо. И что же дальше?.. Папа спал и видел меня потомственным технарём-инженером-конструктором, а мама тоже считала, что это престижно, что это настоящая мужская специальность, и потому поддерживала папу. А я слишком любил своих родителей, чтобы на этот счёт иметь своё мнение. С треском, воплями, проклятиями и частным учителем кое-как подготовился к экзамену по так искренне ненавидимой мной математике. Кое-как сдал её, потом написал диктант (выручила интуитивная грамотность) – и вступил, вломился, ввалился в Киевский техникум средств связи, на специальность «Обработка металлов резанием» - там был самый низкий конкурс.

Вначале я понял только одно – что наконец-то улизнул из этой жуткой школы, угроза возвращения в которую дамокловым мечом висела надо мной в случае провала вступительных экзаменов в техникум.

Это была настоящая радость свободы духа. А ещё – гордость за свой новый статус – студента. Отсутствие опостылевшей школьной формы, чемодан типа «дипломат», ежеутренние поездки в метро – всё по-взрослому. Потом – дружба с Игорем, техникумовская компания, клёвая группа, наши тусовки, вечера, романтические свидания, бесконечные прогулки по вечернему, а потом и ночному сказочно красивому городу. И... с треском заваленная первая сессия. Она-то и заставила оглянуться и взглянуть на окружающий мир пошире. Я взглянул и удивился: оказывается, преподаватели тоже люди. Ходят с нами в кино, театры, с удовольствием принимают наши приглашения на праздники, участвуют в них. Даже ходят на *наши*

дискотеки, и приглашают *наших* девушек на медленные танцы.

Когда погиб наш одноклассник Саня Ищенко (жуткая история: выбросился человек с восьмого этажа, и никто не знает причину; последние дни только приходил на занятия, как в воду опущенный), и мы все поехали хоронить его, наш куратор Владимир Иванович тоже нёс гроб. А потом плакал навзрыд, и ни перед кем не стеснялся собственных слёз. А наша химичка, которую мы все считали стервой и самодуром (самодурой?) на следующий день после похорон на уроке сказала: «Какая сейчас химия?.. Давайте просто поговорим... может, нам всем легче станет...»

Николай Павлович (в простонародьи – просто «Павлович»), преподаватель технологии металлов и машиностроения, одного из самых занудных курсов, какие только способна придумать педагогическая программа, страдавший невероятным косоглазием, от которого ещё неизвестно, кто больше страдал – он сам или мы все. Потому что из-за этого его косоглазия списать на контрольной или на экзамене было совершенно невыносимо: в самый неподходящий момент он подходил к любому из нас и, глядя куда-то в потолок, безошибочно извлекал целый ворох аккуратно припрятанных шпаргалок. Николай Павлович, который на аттестации вызвал меня и, как всегда, внимательно глядя в другой конец аудитории, задал вопрос. А я после очередной гулянки как-то не нашёл время подготовиться... В общем, безнадежно промямлил, что не готов. «Были причины?» – сочувственно спросил Павлович, внимательно изучая тени на потолке. «Были!» – грубовато буркнул я, понимая, что терять уже точно нечего и готовясь к самому худшему. «Хорошо, – Павлович перевёл взгляд с потолка на пол и записал что-то в журнале. – Не волнуйся, у тебя зачёт. А когда подготовишься, придёшь и расскажешь. Идёт?..» Потом я, мучимый доселе неведомым мне чувством вины перед учителем, сам его нашёл и почти упрашивал спросить меня. А он улыбался: «Я тебе верю, верю... Давай, рассказывай, коли хочешь... Но только, пожалуйста, не волнуйся. Я же сказал – я тебе и так верю, на слово...»

Василий Августович Гамов, который, по его же словам, может, и не Василий и, скорее всего, не Августович. И уж наверняка не Гамов.

Дитя войны, после очередной бомбёжки вытщенный откуда-то из-под завалов семимесячным младенцем и эвакуированный вместе с детским домом в Ташкент. Преподаватель «Металлорежущих станков и инструмента». Пропустивший при написании названия курса на доске в слове «металлорежущие» среднее «е», под дикий гогот группы. С тех пор у нас так его предмет и назывался - «металлоржущие» станки, вот какие они у нас были! Василий Августович, которому даже не придумали кличку. Василий Августович, которого считали смешным и странным. Здоровавшийся с нами за руку, называвший нас по кличкам, в лучшем случае - по именам и никогда не помнивший наших фамилий. Василий Августович, никому не ставивший «двоек» и «неаттестаций». С добросовестностью заботливого, но наивного отца тщетно пытавшийся разобраться во всех наших проблемах и спорах. Готовый помочь всем и каждому в любом деле. Василий Августович, руководитель моего дипломного проекта, пришедший в ужас от моих расчётов и чертежей. Василий Августович, запершийся со мной в подсобке своего кабинета, подальше от любопытных глаз, буркнувший в сердцах: «Вовик, ты... стихи пиши... У тебя это лучше получается!» Василий Августович, за один вечер составивший текстовую часть моего дипломного проекта и поправивший все мои чертежи. Василий Августович, с которым ходили кататься на лыжах. Который, после моей защиты диплома, до конца не выслушав мою благодарственную тираду («Василий Августович! Да Вы... Вы – самый-пресамый! Вы... Вы даже не подозреваете, какой Вы... Большое Вам спасибо, за то, что Вы...»), приложив указательный палец к моим губам, вполголоса произнёс: «Ну что, старичок, собирай давай народ, когда все защитятся. Выпьем, что ли... - у нас же праздник как-никак...»

Анна Викторовна, преподаватель экономики. Любившая свой предмет и поэзию. На защите диплома задала мне вопрос, и тут же горячо зашептала ответ, отгородившись ладонью правой руки от сидевшего рядом завотделением. Раскраснелась, распереживалась как школьница – так хотелось ей, чтобы я её подсказку услышал.

Мыкола Афанасьевич, он же «Дид Панас», преподававший у нас основы гигиены труда. Старенький дедушка, фронтовик, безумно любивший свой предмет и до конца жизни сохранивший святую веру в нужность и исключительность своего курса. С упоением рассказывавший нам, как защищают станочников очки от попадания в глаза металлической стружки и как надо мыть руки перед едой, вперемешку с воспоминаниями о войне. А мы слушали вполуха и посмеивались, прикидывая – это ж когда наш Дид Панас был на заводе, что так верит в эти защитные очки, которые, хотя и числились необходимым атрибутом техники безопасности, но последний раз не одевались никем и ни разу. Мыкола Афанасьевич, который задал вопрос на аттестации нашему отпетому прогульщику Юре, сколько раз нужно намылить руки после смены перед едой, а тот тупо ответил, что не знает. И тогда... случилось невероятное. Наш добрый, безобидный дедушка, который – загадка для всех – как он прошёл войну, и не в состоянии обидеть муху... Наш добрый, безобидный дедушка, у которого на уроке был вечный шум и гам, и которого мы слушали по-настоящему только когда он рассказывал о войне... Наш добрый, безобидный дедушка, который на этот бедлам, творившийся в аудитории, только качал головой, вздыхал и говорил: «Ой, диты, диты...» Наш добрый, безобидный дедушка сел, закрыл руками глаза и... заплакал. Как ребёнок. Со всхлипами. А через минуту этот оболтус Юра стоял перед плачущим Дидом Панасом на коленях, гладил его по голове и, сам обливаясь слезами, лепетал: «Не плачьте, диду... Мыкола Афанасьевич... я вам всё расскажу... вот увидите... дайте мне день... даже час... я вам всё-всё...» А потом мы уже рыдали все – спустя полгода - когда шли за гробом нашего Дида Панаса...

...Перечитываю своё бравое «Учителем я стал из мести», «С автоматом я сюда приду!» - и улыбаюсь. Да, конечно из мести. И возможно даже с автоматом. Стреляющим такими большими красивыми мыльными пузырями-шариками. Но и не только из мести. И не только с автоматом. Я увидел, как учить нельзя, и захотелось стать другим, чтобы что-то исправить. Потом я увидел, какими бывают учителя. Разными, противоречивыми, каждый со своими

тараканами в голове. Как они работают. И как многие из них, по-своему, любят нас. И свою работу.

Я очень сентиментальный человек. Что, безусловно, видно по моим рассказам и стихам. И это нельзя исправить. Это – часть меня, и с этим надо как-то жить. Не выпячивая, но и особо не скрывая. Как нельзя скрыть девятимесячную беременность. Или цвет глаз. И поэтому, если бы у меня была возможность, я бы, как тот раздолбай Юра, рухнул на колени. Перед ними, перед каждым из них. С болью в голосе, до надрыва, со слезами в глазах. За их нервы и желание сделать из нас людей, за их любовь. Перед Еленой Семёновной (моей первой учительницей и второй мамой), перед Галиной Ивановной (старенькой доброй феей, учительницей русского языка и литературы в четвёртом классе), перед Владимиром Ивановичем, Николаем Павловичем, Василием Августовичем, Анной Викторовной, Мыколой Афанасьевичем. Спасибо вам, дорогие мои. За то, что вы у меня были. За то, что я состоялся.

2. «Воспитатель»

Пединститут

Как это ни странно, о пединституте мне рассказывать особо нечего. Ну, выбрал себе «педагогику, психологию и методику воспитательной работы». Ну, поступил. Группа – обычная, среднестатистическая. Все заняты своими проблемами, у многих семьи. Преподаватели – не плохие, но и не выдающиеся. Декан – Мороз. Это фамилия такая. Но гармония полная – фамилии с внутренним содержанием! Нет, на Морозе, пожалуй, остановимся отдельно...

Было 1-е сентября – новый учебный год. Все группы как группы – разошлись на занятия по аудиториям. Наш факультет согнали в актовЫй зал. На трибуну взобрался маленький Сталин - со стриженной седой бородой, бегающими синими глазками и поджатыми, как у гончей (или у зайца, от неё убегающей) ушами. Мороз произнёс приветственную речь следующего содержания: - Кайданова в залі? (это вместо «здравствуйте!»)

Растерянная Ирка Кайданова поднялась с места.

- Товариші! – проникновенно-торжественно звучал голос декана.- Подивіться на її спідницю, товариші (у Ирки была обалденная мини-юбка, выгодно подчёркивающая её стройную фигуру и ноги). Я йшов за нею, - захлѣбывался слюной Мороз, - і спеціально рахував: десь п'ять чи шість чоловіків дивились на оце діло (непонятный жест рукой, описавший в воздухе дугу). Уявіть собі, товариші! Отака гидота в стінах нашого ВУЗу... Я спідницю маю на увазі! – быстро поправился декан. - Та хіба ж не соромно майбутнім педагогам! Вам же дітей вчити. А ви – чи ото в своїх штанях, як там їх? так, правильно, в джинсах, чи в оцих жахливих міні. Чуєте, Кайданова, я вам наказую: негайно їдьте додому перевдягатися. Я забороняю вам з'являтися тут в такому вигляді!..

Бедная Ирка, сопровождаемая сочувствующими взглядами студентов всего факультета, вынуждена была срочно ретироваться.

И – заметьте! – на дворе стоял 1988-й год, начало конца перестройки. А у нас на факультете – время словно бы остановилось. Царство полного Мороза.

Была у нас в институте своя литературная тусовка. Собрались мы выходить в свет - устроить открытое заседание, других студентов привлечь, стихи почитать, поговорить. И решили мы название нашей тусовке придумать. Чтобы с юмором, демократично, ну и в рекламных целях. В то время был очень популярен итальянский сериал «Спрут», о комиссаре полиции Коррадо Каттани. Вот мы и назвали себя литературным объединением «Спрут» имени вышеназванного комиссара. Объявление повесили. «Явка всех желающих строго обязательна!» написали... А на следующий день вызывает меня к себе Мороз – знал ведь, откуда ноги растут!

- Що оце ви мені повісили, га? На дошці, де висять звіти про партійні збори, якийсь там «Спрут» та якийсь комісар. Та це ж... це ж чистісінький націоналізм, хіба ви не розумієте?

- Какой? – вежливо уточнил я. - Итальянский?

Но Мороз редко кого, кроме себя, слышал. Иногда, правда, это упрощало жизнь...

- Що це за «Спрут» такий, я вас питаю?

- Это... это сериал такой, современный, интересный. Его все смотрят, и вот мы решили...- попытался вступиться я за наше литобъединение.

- Щоб ніяких мені тут «Спрутів» не було! Чуєте?! – громыхал Мороз. А якщо ви, панове, неспроможні придумати щось таке, наше... українське, радянське... так геть ніяк і не називайте. І що за актовий зал, я вас питаю. Без мого дозволу жодних актів! В актовому залі всі акти проводжу тільки я, власноруч, це зрозуміло? - (Ещё бы «не зрозуміло»! Поимеловки устраивал нам по полной программе! Один спектакль 1-го сентября с Ирой Кайдановой в главной роли чего стоил!). - Наш зал – лише для урочистих подій, і мають право там виступати лише такі видатні діячі, як Павло Тичина, Максим Рильський, Платон Воронько. От тоді, панове, коли ви будете настільки відомі, як вони, матимете високу честь виступати в нашому залі...

- Да, - вырвалось у меня, - особенно, когда будем там, где они сейчас...

Пришлось нам перейти на полулегальное положение - объявление переписать, название убрать, заседание перенести в аудиторию, а само объявление повесить скромненько так в гардеробе. Но на заседании я всё же не удержался – затронул вопрос об обвинении нас в итальянском национализме. И тут же обнаружил версию, что «Спрут» - слово вовсе не итальянское, а нормальная такая аббревиатура сугубо украинского происхождения: «СПРУТ» - «Спілка пролетарських радянських українських творців». Но, поскольку есть люди, у которых возникают разные ассоциации с одноимённым итальянским сериалом, мы решили, что и аббревиатура у нас должна быть национальной, как по форме, так и по содержанию. И мы решили назвать себя «ХРЕН» – «Хай розквітає ентузіазм народу!»... А заодно нас и упрекнуть нельзя, что на нашем заседании ни ХРЕНа не было...

Нет, Морозу не донесли эту хрень. А то, не ровен час, отчислил бы всех организаторов вечера на хрен, из института...

А с поэтом Платоном Воронько, между прочим, нехорошая история получилась. Пришла к нам как-то замдекана (в

просто народы Деканалья) и тоном, не терпящим возражений (шеф поднатаскал!) заявила:

- Сегодня после пар не расходимся! Собираемся в малом зале, на авторский вечер Платона Воронько. Начало в 14.30.

Мы переглянулись. Как выяснилось потом, всех не столько смутило «вечернее» время вечера, сколько другое... Я почему-то до последнего момента был уверен, что этот достойный человек уже давненько не числится среди живых. Но, знаете, если так безапелляционно тебе заявляют, что встреча с ним состоится через несколько часов, невольно начинаешь сомневаться... да и не хочется выглядеть идиотом, лучше промолчать... Позже выяснилось, что это же чувство испытало абсолютное большинство присутствующих, кроме одного. Который несмело, но внятно пролепетал:

- Так он же умер давно...

- Как умер? Кто умер?? - Деканалья испуганно посмотрела на нас, потом на несколько секунд зарылась в своих записях. - Вы мне прекратите тут... устраивать саботаж! Вот план, утверждённый лично деканом. И я, как ответственное лицо, обязана проследить...

К нашему стыду, мы таки остались и ждали. Примерно через час выяснилось: да, действительно, умер. Несколько лет назад. Земля ему пухом.

А теперь представьте, когда, как и кем составлялись эти планы внеучебной работы... Как говорится, и смех, и грех.

Ну, полный отмороз.

Первая практика

Наша мужская бригада отправлялась «на дело». Мы – это Костик, Серёга и я, пришли в *** школу на первую в нашей жизни педпрактику, в группу продлённого дня (коротко ГПД). Надо сказать, что смотрелись мы довольно странно: в стенах этой школы, где и работало-то от силы полторы калеки мужеска пола, пришли трое здоровых мужиков и заявили, что направлены пединститутом на практику в ГПД. Завуч младших классов встретила нас с таким видом, будто была дежурным ментом на проходной вырезвителя. А мы –

новая партия «алкоголиков, тунеядцев, хулиганов», доставленная «УАЗиком». Надо сказать, что и срок нашей практики идеально соответствовал обстановке – 15 суток. Именно в течение такого периода мы должны были находиться в данной школе. Немного подумав, завуч отправила нас в местное КПЗ (нет, не «камера предварительного заключения»; находчивый Костик тут же придумал новую расшифровку аббревиатуры: кабинет практикующей заведующей) – приёмную директора школы, где мы пробыли довольно длительное время под надзором местной секретарши. А так как поводов для шуток у нас было более чем достаточно, мы сидели, комментировали ситуацию и непрерывно прыскали, чем вызывали явное недовольство нашего «надзирателя». Потом директор вызвала нас к себе, долго буравила взглядом, что-то записывала, предложила Костику побриться. Костик вежливо отказался, аргументируя это тем, что не догадался захватить с собой бритвенные принадлежности... Директор засверкала глазами, напомнила нам о высоком педагогическом долге и, наконец, отправила восвояси – в ГПД третьего «Б» класса...

В классе наше появление произвело настоящий фурор. Естественно, Надежда Николаевна – руководитель ГПД третьего «Б», изначально испытала нешуточный шок, решив, что это в нашем лице на их класс «рэкет наехал». Зато детки – те были в восторге! Нас окружили такой заботой и вниманием, что непонятно было, кто вообще над кем берёт шефство... Позже Надежда Николаевна – ставшая для нас на второй день просто милой девушкой Надей, Надюшкой - смеясь, расскажет, как собиралась, тайком ускользнув из класса, позвонить своему мужу, офицеру МВД, чтобы тот приехал с нарядом спецназа для дальнейшего знакомства с нами...

- Мальчишки, не думайте больше ни о чём! – веселилась она. - Заканчивайте свою педуху и айда к нам в школу! Вас тут на руках носить будут – дети... учителя... и я – первая!

- А как же ваш директор, Лариса Васильевна? – спросил Серёга. – Она как это переживёт?

- Переживёт! – рассмеялась Надюшка, - она у нас живучая!

- Ага, живучая! – вставил я свои «пять копеек». – Ещё раз столкнётся в двери с небритым Костиком, и, не дай бог, Кондратий хватит. А нам же потом отвечать.

- Но-но! – басовито возмущился Костик. – Папашке мокруху-то не шей! Я ж по отчеству Кондратьич...

Эта новая жизнь неожиданно закружила, вовлекла в полузабытый круговорот детского беззаботного наивного счастья, в мир улыбок и радости. Мы с детьми общий язык и не искали – просто влюбились друг в друга с первого взгляда, сами стали детьми. Так что с появлением нас у Надюшки хлопот поприбавилось – и без того большая группа увеличилась сразу на три здоровенных оболтуса. Но и Надюшка осталась в выигрыше – она призналась, что без нас, конечно, играла с детками – и в «Вожатого», и в «Квача», и даже немножко в футбол... Но всё как-то без азарта, соблюдая рамки приличия – педагог всё-таки... Да и окна Ларисы Васильевны («практикующей заведующей») выходят на игровую площадку... А с нашим появлением о всевозможных «рамках» сразу пришлось забыть.

Уже в первый день, играя с детками в футбол, я ударил по мячу; мяч улетел вместе с туфлей, которая приземлилась... прямо на голову учительнице, проходившей в это время через площадку... Вот это был дебют! Учительница оказалась нормальной, адекватной, долго потом с нами смеялась, и даже требовала выкуп за возвращение туфли. Вообще, с учителями в этой школе всё было нормально. Наше появление вызывало всеобщий интерес, улыбки. К нам подходили и признавались, что с нашим приходом школа как будто оживает. А вот Лариса Васильевна...

«Практикующая заведующая» наше пребывание в стенах альма-матер переживала мучительно-болезненно...

Впервые она столкнулась с нами в коридоре, когда наши детки, повиснув у нас на руках, плечах, ногах, на всех частях тела, до которых мыслимо и немислимо было дотянуться, шли (точнее, передвигались с нами таким трёхголово бесформенным чудищем) по направлению к столовой. Не желая ни на секунду отпустить, радостно

крича и спотыкаясь... Лариса возникла перед нами как-то вдруг, за поворотом. Мы её чуть не сшибли.

- Это что ещё за... такое??? – прогремел хорошо поставленный директорский воинственный вопль. – А ну немедленно... - и тут она увидела нас, с которых быстро поспрыгивали висящие детишки, бесполезно пытавшиеся укрыться за нашими широкими, но всё же не настолько, спинами.

- Вы что же думаете, - резко снизила агрессивность «практикующая» (педагогический этикет, блин!), - если молодые неопытные педагоги пришли в школу, им на шею можно вешаться?? Я вас спрашиваю! – вновь накалялась она, как только что закипевший чайник, вновь включённый по ошибке. – Так знайте: я вас на сегодня... – она на секунду задумалась, и повторно закипела на высокой ноте: - Я вас на сегодня лишаю прогулки. Всё.

Конфорка погасла, чайник выпустил пары.

Ох, и аукнется же ей собственный запрет...

Надюшка была в шоке. Только врождённая интеллигентность мешала ей выразить мысли вслух по этому поводу.

- Запретить детям гулять! – полушёпотом выкрикивала она. – После изнурительного учебного дня! Когда постоянно твердят: наши дети задыхаются в закрытых помещениях, нашим детям необходим свежий воздух!..

- М-да... - вздохнул Серёга, - и как такие директорами школ становятся?

- А её из гестапо выгнали за жестокость, - пробурчал Костик. – Вот она и здесь...

Но детки не унывали: не на улице, так в классе. Какая разница, если их большие четвероногие друзья всё равно здесь. «Большими четвероногими друзьями» мы сами себя окрестили после игры в «фанты» - когда пришлось исполнять их желание: ползать на карточках под партой и дружно обляять Надюшку в момент её появления - она тогда на минутку вышла из класса...

И вот устроили мы игру в «Слепую бабу». Детки завязали нам глаза шарфами, а сами попрятались в шкафах... К Надюшке пришёл кто-то из родителей, она вышла в коридор. Мы сосчитали, как

положено, до двадцати пяти. В это время открылась дверь, и Костик, в полной уверенности, что это наша Надюшка вернулась в класс, метнулся с шарфом на глазах ей наперерез с криком «Надежда Николаевна! Если вы не спрятались, я не виноват!»

- Это что здесь происходит, а?!.. – прозвучал зловещий шёпот, звуки которого заставили нас немедленно посрывать с глаз шарфики, а деток в шкафах – затрястись мелкой дрожью. Отчего сами шкафы заходили ходуном, рискуя рухнуть или расколоться.

Картина, открывшаяся нашим затуманенным шерстяными шарфиками взорам, предстала следующая. Немая сцена. Гоголевский «Ревизор» отдыхает. Костик, как вцепился в плечи Ларисы обеими руками, так и застыл с сорванным шарфиком, ошалело глядя на директора и сверкая своей обычной, многодневно небритой щетиной. Серёга выполз на четвереньках из-под стола – он утверждал, что таким образом лишает себя соблазна подглядывать. Я полулежал на этом самом столе, и от неожиданности чуть не свалился вместе с ним на Серёгу. А шкафы весело подпрыгивали в разные стороны, выводя пируэты, как в известном танце «семь-сорок»...

- Где дети? – прошипела «практикующая заведующая», освободившись наконец от железной хватки Костика. – Я слышала только что ужасающий шум...

Господи! Надо же такое! Да класс-то наш прямо над её кабинетом!

- Я спрашиваю, где дети? – опять зловеще прошипел её голос в полумраке классной комнаты.

- Вот свет, - неуверенно промямлил Костик, нажав на выключатель. Лучше бы он этого не делал...

Один из шкафов от неожиданности вздрогнул и начал подозрительно крениться... Мы втроём дружно бросились его ловить. К счастью, успели.

- Дети... - тяжело дыша промышчал Серёга, - дети на внеклассном мероприятии... воспитательном...

Выручила Надюшка. Назойливый родитель наконец-то оставил её в покое, и она ворвалась в класс – очевидно, с новой потрясающей

идеей, вприпрыжку и с радостным криком «Мальчики!..», который тяжело повис в воздухе и привёл в полное бешенство Ларису. Отчего Надюшка застыла в нелепой позе бабочки-однодневки, едва ли не на лету...

- Н-Надежда Н-Николаевна! Р-разберитесь и н-наведите п-п-порядок! И ч-через д-десять минут все в-в-ч-четвером у меня!..

Хлопнула дверь, задрожали оконные стёкла.

- Она хоть замужем? – тихо спросил Серёга по дороге в её «КПЗ».

- Замужем... - бесцветно отозвалась Надюшка.

- Большой привет её мужу, - угрюмо прорезюмировал Костик.

Нет смысла описывать подробности нашей аудиенции у Ларисы. Это был первый разговор, но далеко не последний. Апогеем была наша беседа по поводу анонимного доноса, в котором меня обвиняли, насколько я понимаю, в украинском национальном экстремизме (подробнее описывается дальше и в «Ангеле-хранителе»). А так, вообще, она оказалась достаточно безвредной. Ведь, если бы хотела навредить, могла бы. А потому, как говорится, бог ей судья. Оставим её в покое.

Нет, она ещё раз забежит в класс, привлечённая всеобщим шумом. Так у нас дети занимались самоподготовкой. Костик и Серёга, значит, их консультировали. Надюшка выдавала очередную порцию заданий. А у меня была важная и ответственная роль – я торжественно восседал за учительским столом, у меня на коленях сидел ребёнок с приготовленным домашним заданием, сзади на плечах повисали ещё двое-трое, ожидавшие своей очереди, а я проверял, рисовал в их тетрадках, в качестве оценок за выполненную работу, солнышки-зайчики. И неизменный атрибут учительской благодарности – поцелуй в щёчку. А без этого они просто не хотели уходить...

Так вот, забежала «практикующая» в класс, увидела меня, сидящего за учительским столом, весь этот «разврат», царящий вокруг и загремела своим директорским голосиной:

- Это что ещё такое??? Где ваша учительница??! Как вы смеете так обступить дядю... э-э... студента... э-э... он же будущий учитель... а ну, немедленно по местам!.. Константин Мефодиевич!

- Кондратиевич... - мягко поправил Костик с учтивым поклоном.
- Вот именно... будьте добры... снимите с шеи этого мальчика...
- Гену... - подсказал Костик.
- Да... именно его... спасибо... Надежда Николаевна, вы в классе?
- Да, Лариса Васильевна, с готовностью отозвалась Надюшка, выныривая откуда-то из-под парты. Она что-то объясняла девочке Лене, стоя перед ней на корточках, чтобы не беспокоить сидящего рядом мальчика Ваню, сражавшегося с очередным домашним заданием...

Лариса тяжело вздохнула и потрясла в воздухе указательным пальцем.

- Смотрите мне... И чтобы тихо было!

- Сегодня Ларисы Васильевны не будет, - с наигранной строгостью сообщила классу Надюшка. Но это не значит, что школу можно переворачивать кверху дном. Я всё-таки рассчитываю на вашу сознательность!

- Ур-р-ра!!! – прогремело со всех сторон.

- Тихо! - крикнула Надюшка. Никаких «ура», бесстыжие! Она ногу сегодня сломала!

- Кому? – не моргнув глазом, спросил Костик.

Мы с Серёгой буквально вывалились за дверь, чтобы не заржать прямо в классе. А Надюшка, бедная, стояла слишком далеко от дверей – не добежать. Она схватила платок, закрыла им лицо, и вся так и затряслась. И детки даже как-то попритихли – наверное, подумали, что плачет. А Костику хоть бы хны: сморозил - ну и сморозил. Сидит с невозмутимым видом – как с гуся вода.

Ну ладно, не так всё это и смешно. Человека-то всё-таки жалко...

Из педагогического дневника

...Почему-то бытует мнение, будто настоящий учитель должен быть беспристрастен к своим подопечным и, следовательно, любимчиков у него быть не должно. Но из чего это следует? Одно ведь другому не мешает! Покажите мне хотя бы одного учителя, действительно любящего своё дело и своих учеников, у которого не

было бы в классе любимчиков. Убеждён, такого не найдёте! Другое дело, что отношение к любимчикам у учителей может быть весьма своеобразным. Так, например, у одной моей знакомой, которая работает в школе вожатой, есть целый ряд так называемых любимчиков. Она поручает им самые ответственные дела. Они порой получают от своей «старшей» нагоняи по полной программе, но, конечно, за дело. И, естественно, даже не догадываются, что она где-то в глубине души их любит даже немножко больше, чем остальных.

Мне кажется, среди многих – хороших, добрых, красивых глаз, обязательно должны быть эти – самые добрые, самые красивые и самые хорошие, излучающие особый свет. И тогда ты тихо-тихо говоришь себе, что работаешь для них, для этих глаз. Но не дай тебе Б-г показать это словом, жестом, лишним взглядом. Подобно Маргарите на балу у Воланда (очень рискованное сравнение!) - нужно дарить своё внимание и улыбку в равной мере всем. И пусть только сердце знает глубоко сокрытую тайну – тайну твоего горения...

... Вот два портрета, две истории. Два тайных случая пылкой учительской влюблённости...

Таня

Как мы подружались

Было это в 1988-м, когда мы (я, Костя и Сергей) пришли в *** школу на нашу первую педпрактику. Гуляли с ребятами на улице. К тому времени все уже перезнакомились. Но в тот день появилась новенькая. Точнее, новенькой она была лишь для нас. Таня долго болела, и вот впервые после болезни осталась на ГПД.

Малыши катались с горки. Таня – самая маленькая девочка в классе, самая худенькая и, казалось, самая незащитная. Во время катания она больше других падала, но это ничуть её не огорчало; наоборот, при каждом новом падении, она заразительно смеялась. Но один раз, спускаясь с горки, споткнулась и снова упала. Кажется, больно ударилась. Хромая, отошла в сторону. Я подошёл к ней. «Танечка, больно?» «Нет, всё нормально». Отвернулась.

Когда заходили в школу, отряхивали верхнюю одежду от снега. Я подошёл к Тане. «Давай помогу, тебе и так сегодня не повезло», -

сказал я как можно веселее. Отряхнул ей шубку, развязал шарфик. Таня задержала мою руку в своих маленьких ручках, посмотрела на меня и, улыбаясь сквозь слёзы, как-то совсем по-взрослому сказала: «А мне было так больно, а теперь уже не болит... Спасибо!»

С тех пор мы стали друзьями. А Таня – моим первым помощником.

Однажды я пришёл в школу (это было уже задолго после окончания нашей практики), а Надежда Николаевна заболела. На замену никого не пригласили, и я провёл у них целый день. В конце дня возникла непредвиденная трудность: нужно было выделить двух человек для уборки класса, а списка дежурных не было. Дети, один громче другого, кричали, что недавно дежурили и сейчас не их очередь. А те, кто дежурили давно, говорили, что уже поздно и их дома ждут родители. Обстановку разрядила Таня. «Владимир Леонидович, - сказала она. – Я останусь». С ней согласилась дежурить ещё Юлия. А Владик, Наташа, Вика и Оля, не захотевшие без нас расходиться по домам, приняли моё предложение помочь дежурным. Так мы решили эту проблему.

«Друзья познаются в беде»

Первый же день моей следующей практики ознаменовался происшествием. Было уже поздно, что-то около шести вечера. Разошлись по домам многие ребята, ушла Надежда Николаевна. Осталось пять человек – те, кому родители разрешают оставаться подольше. Позже у нас это вошло в традицию: мы остаёмся каждый день ещё минут на 20 – 30 и разговариваем. Потом происходит трогательный ритуал взаимного провожания: они провожают меня до троллейбусной остановки, я их – до перекрёстка.

Итак, как я уже сказал, в первый день нас было шестеро. Сидим, беседуем. В это время в класс входит директор. Сразу понятно: что-то случилось. Тоном, не допускающим возражений: «В коридор детей не выпускать!» И, обращаясь уже непосредственно ко мне: «Выйдите на минутку!» Я вышел в коридор, и она мне рассказала. Оказывается, в школу проник неизвестный. Он дебоширит в столовой – бьёт стёкла. В школе, кроме нас и ещё двух-

трёх учительниц младших классов, - никого. Она была очень растеряна. И, как назло, не работают телефоны. Она шла позвонить с улицы в милицию, и ещё раз попросила никуда не выпускать детей. А я решил отправиться на разборки с дебоширом, но прежде нужно было предупредить детей, чтобы закрылись и тихонечко сидели в классе до моего возвращения.

Я объяснил им ситуацию, как мог: дескать, в школе хулиган, мне нужно прогнать его, а вы посидите тихо; вместе вам не будет страшно. Все согласились, кроме Тани. Она расставила руки, загородила мне дорогу: «Я вас не отпущу. Или идёте вдвоём». Я её слова истолковал неверно. «Тань, - говорю. – Чего тебе бояться? Ты же с ребятами остаёшься. Смотри, им совсем не страшно». Но Таня упрямо замотала головой: «Я не за себя боюсь, а за вас. Вдруг он вас побьёт?» Ну, объяснять ей, что если даже это и произойдёт, она мне мало чем поможет, было бы бесполезно. «Ты же знаешь, я сильный, - пытался убедить я её. – Он меня увидит, испугается и убежит». Но Таня меня не слушала. Она вцепилась в мой свитер обеими руками и повторяла сквозь слёзы: «Не пущу... не пущу... никуда не пущу!..» Тогда, для доказательства своей силы, я поднял её до потолка. Она перестала плакать, и вдруг радостно закричала: «Ага, теперь вы устали! Вы вспотели даже! Вы не сможете драться с ним в полную силу! Теперь вам без меня точно не обойтись!» Она подбежала к шкафу, вытащила оттуда длиннущую швабру, и с выражением лица, не оставлявшем сомнения в её намерениях, вернулась ко мне: «Идёмте!»

...Всё-таки мне удалось её уговорить, взять с неё честное слово, что только, если я прибегу звать на помощь, она пойдёт со мной. А так будет терпеливо, вместе со всеми, дожидаться меня.

Когда я прибежал в столовую, увидел там лишь битые стёкла. Незвестный скрылся. Каюсь, виноват. Но у меня есть одно оправдание. Просто в этой школе, в этом классе есть один маленький человек, который очень крепко, очень по-детски меня любит. Разве вправе я был даже в ту минуту оттолкнуть Таню, оттолкнуть её горячую любовь и привязанность?..

Как-то мы играли в снежки: девочки против мальчиков (девочек было больше, и это уравнивало шансы). Мы помогали малышам строить редуты. Подготовку к баталиям уже почти закончили, но перед самым началом игры девчонки нарушили правила: тайно пробрались к мальчишкам, зачем-то начали воровать у них снег. Мальчишки ответили ещё более дерзкой выходкой – забросали нарушительниц снежками, потом развалили ногами их крепость. Девчонки страшно обиделись, многие расплакались. Словом, игры не получилось. И при всём нашем желании, утихомирить разбушевавшиеся страсти нам не удалось. Как не удалось утешить обиженных. Даже Таня, когда я взял её за руку, тихо сказала: «Отпустите меня, Владимир Леонидович... Я хочу в класс».

заметки на полях

В тот день я отчётливо понял одну вещь, которую прежде понимал довольно смутно. Мало быть для них просто другом, просто взрослым, ловким, большим и сильным. Нужно уметь быть лидером – уметь решать, быстро, молниеносно, правильно. Уметь убеждать. Как этого достичь? Да не знаю я, как. Никто не знает. Но нужно. Кровь из носу!

Посмотрел на результаты нашей несостоявшейся игры... Вот и будь после этого педагогом, старшим товарищем... Мальчишки и девчонки друг друга не замечают. Да что там друг друга! Тебя! Тебя – учителя! – не замечают! А ты им: «Ребята! Давайте жить дружно!» Кот Леопольд тоже выискался! Да имели они в виду тебя с твоим «дружно»...

Пришли, разделись. Разбрелись по классу. И, как назло: Костик с Серёгой побежали отрабатывать несданный зачёт по физкультуре, Надюшку «практикующая» в своё «КПЗ» вызвала. Разбирайся, Леонидыч, сам. Сам эту кашу заварил – сам и разбирайся.
- Ребята, время самоподготовки! – напоминаю. – Усаживайтесь, доставайте тетрадки. Начнём с математики.

Ага, сейчас начнёшь ты! Тебе надо – ты и делай. Посмотри, кто тебя здесь слышит?

- Ребята, я тихо говорю, да? Вы меня не слышите?

Ноль эмоций. И тут вспоминаю: у них же полдник ещё! Как я мог забыть! Чай и вожделенная булочка с маком. Может, повезёт, и сегодня булочки свежие будут...

- Подождите... - говорю. – Давайте на полдник сначала сходим.

Это действует, но слабо-слабо. Нехотя подтягиваются к выходу. И ажиотажа никакого. Никто не рвётся повиснуть на тебе. По коридору идём неправдоподобно тихо. То-то порадовалась бы Лариса, если бы увидела нас сейчас...

В столовой – новое происшествие. Одну порцию не додали. Кого-то, наверное, не учли. На кухне чай сделали, а вот булочку негде взять – все булочки строго посчитаны. Пока я всё это выяснял, булочки начали скоропостижно поглощаться. Олег оказался менее расторопным, чем другие, стоял ни с чем и глотал слёзы. На него особо и внимания никто не обращал. На меня, в общем, тоже.

- Ребята, сегодня без полдника остались два человека, - сообщил я уплетающим булочки за обе щеки деткам.

- А кто второй? – лениво поинтересовалась Таня.

- Так... значит, кто первый вам известно?

- Ну... Олег.

- Правильно. Олег. А второй – я.

- Вы??? – многоголосый ропот удивления.

- Я. А вы разве видели, чтобы я сегодня ел?

- Не-ет... Но вы же никогда не едите...

- В каком смысле, никогда? Я такой же человек как вы. И тоже могу испытывать чувство голода.

- Но вы же раньше не ели с нами булочек...

И второй голос:

- А вам и не положено. Потому что вы за них не заплатили.

Ну что, получил?! Эх ты, Сухомлинский... блин... я посмотрел вокруг... Ну хоть бы кто-то... Нет, сидят, уминают свои булочки. Ну, вылитые хомячки. А Олег отворачивается – чтобы не расплакаться.

Встаю. Медленно иду к выходу.

- Владимир Леонидович, вы куда?

- Никуда. Домой.

- ? ? ? ? ? ?

- Вы злые. Я никогда не думал, что вы такие злые. И мне ничего здесь не положено. Не положено делать вам замечания, не положено сейчас находиться с вами, потому что я не ваш учитель. Я всего лишь студент на практике. А вы имеете полное право меня не слушаться. Потому что я для вас никто.

Последние слова я говорил уже, стоя в дверях столовой. Потом дверь закрыл и пошёл в класс. Но медленно-медленно. Чтобы смогли догнать. Всё, Макаренко. Это твой последний шанс. Не догонят в течении ближайших двух-трёх минут, у тебя только одна дорога – одеться и бежать из этой школы... И что ты, горе луковое, скажешь потом руководителю практики? На детей обиделся, собрал манатки и смылся?.. Эх, ты...

...Первым догнал меня Олег:

- Владимир Леонидович, я не голодный, честное слово! Я не хочу есть! Не уходите, ну пожалуйста!

За ним высыпал весь класс. Вот теперь обстановка была вполне рабочая - слышно было: по школе дружными рядами топает, грохочет наш, теперь уже пятый «Б»...

Поприносили недоеденные булочки:

- Владимир Леонидович... Олешка... нате, возьмите, это всё вам... только не уходите...

Сорвал я деткам самоподготовку. Про неудавшуюся игру на улице уже никто и не вспоминал. Много говорили, рассказывали, потом смеялись... Правда, в основном, они. Я в тот день, кажется, израсходовал весь запас эмоций и энергии. Олег гордо восседал у меня на коленях и доедал многочисленные булочки. И меня, паразиты такие, заставили этими булочками давиться. Ну, правильно, – за удовольствие же надо платить!

А Таня, которая была с нами, но всё это время сидела молча, поднялась, подошла вдруг и сказала: «Владимир Леонидович, можно Олег подвинется, и я сяду к вам на второе колено?» Великодушный Олег не возражал...

С тех пор и мне, и Костику, и Серёге, и Надюшке пришлось заказывать себе полдники. А другого выхода у нас просто не было. Детки порывались нас угощать своими булочками, и не на шутку обижались, если мы отказывались...

возвращаясь к дневнику...

В последний день

Последний день второй четверти, 29 декабря, был очень шумным и радостным, и оттого, наверное, немного грустным. Таня, обычно бойкая и весёлая, оглядывалась по сторонам, словно ожидая помощи от невидимого волшебника, способного остановить или хотя бы притормозить бег неумолимого времени.

Когда выходили на улицу (единственный случай, когда по личной просьбе Надежды Николаевны пятый «Б» изображал строй), я всегда стоял в середине, держа за руки двух человек. Одним из которых непременно была Таня. А в тот день Таня никому не давала возможности взять меня за руку, утверждая, что обе мои руки «заняты». Наверное, моя педагогическая ошибка заключалась в том, что я не слишком-то препятствовал этому...

В тот день, естественно, ребятам ничего не задали, но им даже играть не хотелось. Сидели на задворках школы и строили планы на ближайшее будущее. Каким будет этот Новый 1990-й год? Как часто мы будем приходить к ним? Когда наша следующая практика?

А Таня очень долго хотела мне что-то сказать, но всё оттягивала – набиралась смелости. Наконец тихо-тихо спросила: «Владимир Леонидович, мы всем классом завтра идём во Дворец Спорта на ёлку, я спрашивала, туда и взрослых пускают... Вы можете с нами пойти?» «Конечно, могу!» - так же механически шёпотом ответил я. «Ура!!! - вдруг закричала Таня и захлопала в ладоши. – Он может! Он пойдёт!!» «Что это он может? И куда это он пойдёт?» - заревновал Костя. «А мы?!» - вторил ему Сергей.

Потом, когда выяснилось, что все мы можем и все пойдём, всеобщей радости не было предела – Судьба подарила нам в уходящем году ещё целый день полноценного общения.

День встречи – день расставания

(заметки на полях)

Быстро закончилась зима, промелькнула весна... оглянуться не успел – пролетели летние каникулы, начался новый учебный год... И вот я опять здесь – в ***средней школе г. Киева. Один... Так непривычно... Костик – в своей Мотовиловке, проходит активную педпрактику, Серёгу забросили в спортинтернат, Надюшка в декрете. Один...

И уже не слышны радостные крики ребят, первыми заметившими моё появление и спешащими оповестить о нём остальных. На пришкольном дворе – неузнаваемая, неестественная какая-то тишина...

Впрочем, меня ведь никто и не ждал сегодня. Да и занятия ещё не закончились.

В нашем «КПЗ» меня уже ожидает сюрприз – «практикующая заведующая» (ай да Костик! ай да молодец!) решила ГПД ограничить только начальной школой. А наши-то - уже шестиклашки... Так что придётся вам, Владимир Леонидович, брать другой класс... Ну, предположим, второй «А». Что скажете?

А что скажу? Это ведь не обсуждается...

В коридоре встречаюсь со своими шестиклашками. С дружным гиканьем бросаются мне навстречу... Только вот на шею, как каких-нибудь несколько месяцев назад, уже не вешаются. Взрослые...

Пошли во двор, вспомнили старые добрые времена, взгрустнули... На помощь пришла Таня, как всегда полная неуёмного оптимизма:

- Ничего, Владимир Леонидович! Не расстраивайтесь! Теперь мы будем к вам гости приходить и помогать. Вам ведь без нас трудно будет, правда?

- Правда, - согласился я. – Конечно, приходите!

1. Наше знакомство

Мы познакомились сразу, в первый же день. Время было уже почти вечернее, закончили самоподготовку. Проводили занятия по интересам... Я проходил между рядами, наблюдая, подсказывая, помогая. У третьей парты в третьем ряду я задержался надолго. Зрелище и в самом деле было необычное: девочка в окружении трёх мальчишек собирала из конструктора подъёмный кран. Пацаны смотрели, не отрываясь, на её уверенные движения, забросив собственные дела. Когда я подошёл, она подняла на меня свои большие серо-зелёные глаза и улыбнулась:

- Владимир Леонидович, а вы так хорошо, извините за выражение, гоняете в футбол!

Хорошая у неё улыбка, светлая, открытая. Ещё несколько лет – и трепещите мальчишечьи сердца!

Я тоже улыбнулся в ответ:

- За что ж извиняться? Гоняю – ну, значит, и гоняю.

Почему-то мне захотелось, чтобы она опять улыбнулась. И девочка словно прочитала мои мысли.

- Как тебя зовут? – спросил я.

- Саша, - просто ответила она.

Я отметил про себя: третья парта, третий ряд, третье число, три минуты шестого... Недурно.

2. Третья парта в третьем ряду

Эта парта в классе считается почётной, почти легендарной. И, конечно, совсем не потому, что она третья в третьем ряду. Просто с самого первого дня занятий здесь сидит Саша – добрая фея и волшебница, гроза всех обидчиков и покровительница слабых. В классе нет ни одного мальчишки, который не мечтал бы сидеть за одной партией с Сашей. Девочки тоже были бы не прочь. Но... но их желание почти всегда невыполнимо. Всё дело в том, что вместе с Сашей давно уже сидит тихий, задумчивый и рассеянный Рома.

Ромка относится к разряду ребят, которых окружающие считают странными. А странных в коллективе не очень-то жалуют. И вот Саша взяла над ним шефство. Ромка – ласковый, покладистый. Он искренне гордится своей подругой и их дружбой. А Саша держит себя с ним строго, почти сурово («Опять рубашка вылезла из брюк! И пуговицы на пиджаке нет! Скажи маме, чтобы пришила, если сам не можешь!»). Но это только маска. С Ромой она играет и общается чаще, чем с другими. Одного её слова было достаточно, чтобы одноклассники перестали над Ромкой подшучивать.

Их руководитель ГПД, Таисия Александровна, рассказывала, как приходила в школу Ромкина мама и сияла от восторга: «Что это у вас за Сашенька? – спрашивала она. – Сын преобразился. Каждый день приходит домой, и только слышно от него – Сашенька, Сашенька... Он и учиться стал намного лучше!»

На одной из фотографий запечатлён Рома, положивший голову на Сашино плечо. Когда все снимки я обнародовал, ко мне подбежал Ромка, и, полу в шутку – полу всерьёз спросил: «Владимир Леонидович, зачем вы напечатали такое? Меня же Саша убьёт!» И тут же подскочила Саша, счастливо смеясь и размахивая своими маленькими кулачками: «Ах ты, негодник! Как ты смел без моего разрешения положить мне на плечо голову?!» А Ромка, изображая ужас, прятался от её гнева у неё же подмышкой...

А когда шли обедать, Ромка снова подбежал ко мне и, смеясь, сообщил:

- Ну вот, меня из-за снимка-то и поколотили!

- Но вы же с Сашей друзья, - ответил я с улыбкой. – А у друзей так принято: держаться за руки, или положить голову на плечо друга...

- И мы с Сашей друзья! – ревниво заметил шедший рядом Богдан.

- И мы! И мы! – раздалось голоса спереди и сзади.

И каждый из ребят почему-то счёл своим долгом подбежать и выпалить своё «и мы!» прямо мне в лицо. Так я чуть не сорвал наш поход в столовую, а заодно уроки старшеклассникам, мимо кабинетов которых мы в это время проходили...

- Сашу любят все, особенно мальчишки, - в один голос рассказывают Таисия Александровна и их учительница Татьяна

Валерьевна. – Она умеет увлечь, заинтересовать. Она прекрасно рисует и лепит. У неё твёрдый характер. Но это ещё не всё. Она очень добрая и открытая.

- Надо мной смеются многие, особенно мама, - пожимает плечами Саша. – Но я больше дружу с мальчишками. Мне с ними интереснее. У них игры лучше, и они не хнычут по пустякам...

... А третья парта в третьем ряду так и остаётся только мечтой для многих. И лишь когда Ромы в школе нет, один из счастличиков занимает его место. Но делает это без шума, споров и толкотни. Саша терпеть не может ссор, тем более не желает быть их причиной. Ребята это знают, и через силу уступают друг другу временно освободившееся место...

3. Маленькая история Большой Дружбы

Странные вещи происходят, подчас необъяснимые. Ещё недавно, например, я не представлял себе, как бы управился с детьми без помощи Надежды Николаевны. Ведь самое трудное – это приступить к урокам после прогулки и полдника. Каких-нибудь пол года назад я просто не понимал, как же ей удаётся, без крика и шума, настроить детей на серьёзный лад после всех наших уличных баталий... А теперь... а теперь мне это также легко, как организовать очередную игру. Не могу ответить, как я этого добился. Я как-то и не заметил.

...К моему столу выстроилась очередь ребят, сделавших домашнее задание. Им не терпелось покончить с этим делом и заняться репетицией прощального утренника первой четверти.

Сашина работа была сделана без ошибок, и я поставил «пять». В ответ услышал радостное: «Ой, спасибо!» Саша хотела уйти, но я придержал её за руку. «Я знаю, что ты вежливая девочка, - сказал я. – Но за оценку «спасибо» не говорят». «Даже если это «пять»?» - удивилась Саша. «Даже если «пять». Ты ведь сама, своим трудом её заслужила». «Нет, Владимир Леонидович, я с вами не согласна! – горячо запротестовала она. – Вы ведь тоже потратили силы, чтобы проверить мою тетрадь» «Но качественно проверять тетради – мой

долг!» «А хорошо учиться – разве не долг?!» «Вот. Правильно. Это тот случай, когда друг друга не надо благодарить».

Саша пожала плечами и хитро улыбнулась. Потом села на место и с тем же выражением продолжала смотреть на меня.

«Не согласна?» - одними губами спросил я. «Не-а!» - так же губами ответила она.

Моя очередная практика катастрофически приближалась к концу. Вроде, и времени было не так мало – два месяца. А оглянулся – и... где оно, это время? Прошелестело поздней осенней листвой, запорошено ранним ноябрьским снегом. Смотрит большими грустными глазами белки Пушинки, каждый день наведывающейся к одному окну нашего класса, где взамен наших орешков оставляет свои...

Два года эта белка прибегает сюда. Только сюда. Два года – до холодов. А потом – опять. Рыжая спинка, белая шейка и белое брюшко.

Света и Богдан разыграли сценку, в которой Пушинка – принцесса, первая наследница трона династии Бело-Рыжих. С наступлением холодов её заботливые родители – Король Рыжик и королева Белошейка, присылают за ней такую воздушную карету, в которой Пушинка отправляется в тёплые края. Но перед этим обязательно делает остановку у знакомого окна, и оставляет ребятам на зиму самые любимые свои орешки. Если внимательно приглядеться, на их скорлупе можно увидеть буквы «П», «У» и «Ш», первые буквы имени Пушинки. Я видел эти орешки. Они хранятся в специальном Пушинкином музее. Там же стоит её карета, которую смастерила Саша. А у каждого нашего второклашки есть пластилиновые бабочки, слепленные Сашей. Саша утверждает, что эти бабочки - верные кучера Пушинки, управляющие её каретой.

- В этот раз Пушинка так долго задержалась из-за вас, - сказала мне Саша. – Не хочет расставаться...

А потом был утренник и много хороших, красивых слов. После утренника начали медленно расходиться по домам. Я обнимался-целовался со своими новыми друзьями. Преувеличенно много смеялись, чтобы не грустить. Ксюша и Толик подарили свои автопортреты – таких смешнучих человечков, повисших на люстре на одних ногах, вниз головой. А между их головами – большеглазое губатенькое чудовище – я – сидит за столом и проверяет домашние задания... Галя принесла яблоко, которое по кусочку каждый тут же съел. Света с Серёжей надували шарики, на которых мы писали разные пожелания...

Но тревога росла. Я не видел Сашу. Я не хотел думать, что она ушла и не попрощалась. От этой мысли стало даже как-то жарко. Я вышел в коридор. И там увидел её, прислонившуюся к оконной раме. Я подошёл и тронул её за плечо. Она порывисто обернулась...

На меня глядели грустные глаза белки Пушкинки. Большие, серо-зелёные.

- Владимир Леонидович, значит, вы к нам больше никогда-никогда не придёте?

А глаза сказали: «Только не обманывайте. Скажите *мне правду!*»

Каких-нибудь 20 минут назад я говорил уверенно и красиво, что мы друзья, что теперь будем видеться постоянно. Что нет такой силы, которая заставила бы... И всё это потеряло вдруг смысл – перед *этим* взглядом, перед *этим* вопросом.

Я присел перед ней на корточки, взял её за руку.

- Нет, Саша, приду. Ты только мне, пожалуйста, верь. Мне это нужно, понимаешь... чтобы я сам себе поверил.

Она слабо кивнула.

- Мне уже нужно идти...

- Позвони мне, телефон ведь знаешь.

Улыбнулась:

- Можно сегодня?

- Когда захочешь.

- Ну... тогда до свидания!..

И она ушла, не оборачиваясь.

Я сдержал слово. И мы виделись действительно часто. Кроме апрельской практики следующего года, были утренники, встречи, игры, прогулки, а потом – выпускные вечера в обоих классах. Одна из девочек нашего третьего «Б», Лена, она же Жирафа, станет после окончания школы учиться в моей группе иврита, пойдёт по моим послеинститутским стопам, тоже влюбится в этот дивный язык, потом в чём-то даже перещеголяет меня... Сейчас она известная в городе переводчица. Но это, как говорится, уже совсем другая история...

Ленин – всегда живой?

апрельские тезисы педагогической практики

Я знаю? Город будет?

Я знаю? Саду цветсть?

Когда такие люди...

В. В. Маяковский – с одесско-еврейской интонацией

Между прочим, раньше, говорят, за интонацию сажали

И кому в голову подобные идеи приходят? Работает себе человек, и вроде бы даже многое получается у него. Группа продлённого дня, второклашки. Игры, уси-пусы, приготовления домашних заданий. Всякие смешные случаи, детские сокровенные истории, наши общие тайны... И педагогическая программа. Составленная разными номенклатурными деканами морозами и утверждённая вот такими «практикующими заведующими» как наша.

Валентина Иосифовна, мой руководитель практики, которой я был благодарен – уже хотя бы за то, что куда бы судьба не забрасывала моих коллег, студентов-третьекурсников, всегда отстаивала меня с моей *** школой. Правдами и неправдами добивалась моего туда распределения на педпрактику.

Но сейчас – мы словно бы поменялись ролями: не я на неё, а она на меня смотрела умоляюще, почти заискивающе. «Да, я понимаю, - говорил её взгляд. – Да, полный маразм. Но это сделать нужно, чтобы тебя оставили в покое. Чтобы нас с тобой оставили в покое».

- Объясните мне наконец! – почти кричал я. – Как человеку, работающему в ГПД, можно поставить *открытое зачётное занятие*?! Да я не о себе даже, мне детей жалко! Это же им за счёт прогулки! Вот, Валентина Иосифовна, у вас внуки есть?

- Не шуми, - махнула она рукой. – Есть, есть у меня внуки... дальше что?

- А то! - не останавливался я. – Дети сидят по пять-шесть часов в закрытом помещении. И дня не было, чтобы я с кем-то из них не ходил в медпункт за таблеткой от головной боли! Неужели вы не понимаете?!

- А ты не понимаешь, да, что есть программа? Есть дата – 22 апреля – день рождения вождя, которую ещё никто пока не отменял.

- Да им на уроках втирают мозги...

- Володя!!!

- Извините... я хотел сказать, они об этом слышат во время занятий, а теперь ещё и после...

Обычно уравновешенная, Валентина Иосифовна завелась:

- А по какому праву ты со мной так разговариваешь? Это я, что ли, придумала?! Иди к декану, раз такой умный, там свои взгляды отстаивай. А то сотрясать воздух – все мы мастера. А как до дела...

Что-то, правда, занесло меня малость на повороте.

- Извините, Валентина Иосифовна. Просто детей жалко. Да и что я им нового расскажу?

- Детей будет жалко, если тебя со школы попрут... Вот тогда действительно их будет жалко. А ты – побереги эмоции. Нервные клетки ведь не восстанавливаются.

- Но это же просто цирк! Что им рассказывать?!

- Знаешь, что? У каждого человека должна быть своя головная боль, такова традиция господ-бога. Так получилось, что день рождения Ленина в этом году – твоя головная боль, а не моя, ты уж прости. Так что думай сам. Ты – их учитель. Ты лучше знаешь, как им это рассказать, как преподнести. И не кисни, ну! «Основы театрального мастерства» изучал, хотя бы поверхностно? Про систему Станиславского слышал? Ну вот. Сыграй так, чтобы было интересно,

чтобы поверили. Один раз. В следующем году, даст бог, это 22-е апреля уже никому и не понадобится!..

...И ничего-то оригинального я не придумал. Самая навязчивая мысль, которая, в конце концов, и показалась мне самой оригинальной – провести урок на украинском языке. Просто рассказать вкратце его историю по-украински, задать пару вопросов, и всё. Школа-то у нас русская, украинский детки первый год учат. Вот и разговорная практика, и экспериментаторство – в духе времени: всё же живём в эпоху возрождения языка, национальных традиций... А большей пользы извлечь всё равно не удастся. Для большего нужны патриотизм и пафос. Это не ко мне. Весь мой патриотизм вылился в 12 лет в стихи «Про американских империалистов». С тех пор патриотизм я считаю куда более вредной привычкой, чем, например, ковыряние в носу в людном месте. Что же до пафоса... Почитайте мои армейские стихи, и не будем тратить времени на пустые разговоры про любовь к родине (не хочу писать это слово с большой буквы!) и её вождям. Я понимаю только любовь к конкретным людям – к родителям, к девушке или жене, к детям, к родственникам и друзьям, просто человека к человеку. Обязательно – к животным (иногда их любишь и жалеешь даже больше, чем людей). А вот любовь к родине и прочим отдельно взятым историческим особям – давайте оставим политидеологам; им за это хотя бы деньги платят...

Я думаю, это был самый короткий урок не только в моей биографии – за всю историю существования школы.

Собралась высокая комиссия (завуч по учебно-воспитательной работе, завуч младших классов, чиновник из районо... ну и Валентина Иосифовна пришла), собрались дети. Я начал урок словами:

- Любі діти! Сьогодні, 22 квітня 1990 року, в день народження Леніна... Володимира Ілліча... ми будемо з вами спілкуватися виключно українською мовою...

Бредятина, ну редкостная! И Ленина с его днём рождения сюда приплёл, и украинский язык... Ильич там, в своём Мавзолее, небось, крутился, аки виртуоз-эквилибрист, с боку на бок переворачиваясь...

Ладно, всё. О покойниках – или хорошо, или никак. Запнём для ясности.

...У Юрия Полякова есть такая повесть «Апофигей». Это квинтэссенция апогея с апофеозом. Вот и у меня свой апофигей получился. Полный, причём! Да иначе и быть ведь не могло! Мои второклашки внимательно выслушали моё предложение «спілкуватися виключно українською мовою», после чего Ванечка, на таком, знаете, чистом украинском языке, мне вдруг и говорит:

- Владымыр Лэоныдовыч! Подойдытэ, пожалуста, ко мнэ!..

И тут нервишки мои сдали. Потому что я не прыснул, и не засмеялся, а откровенно громко заржал. Да ещё и за живот схватился. Ржу и думаю: блин! Не смешно!! Ну не смешно же!!! И не могу прекратить – аж слёзы на глазах выступили. А деткам что! – учитель гочет, значит, так надо, значит, действительно смешно! А им посмеяться от души – даже без повода – в кайф! Уж я точно знаю, сам видел! И через считанные секунды весь класс уже надрывал животы...

Из кабинета меня выводила за руку Валентина Иосифовна. Самое интересное – как только вышли, дурацкий смех тут же начал проходить.

- Валентина Иосифовна... - простонал я. – Даже и не знаю... как это вышло...

- Ничего, ничего, - тоном умудрённого опытом психиатра успокаивала она меня. – Это бывает, это нервы... отдохнёшь и всё пройдёт... чаю попьёшь... домой сегодня придёшь пораньше... не волнуйся, это бывает...

Странное дело – я отделался лёгким испугом. Может быть потому, что все уже предчувствовали: в этом году официальное празднование 22-го апреля – последнее... Но в тот день мне больше никто ничего не сказал.

Назавтра, однако, Валентина Иосифовна вновь была строга:

- У тебя три дня. 26-го апреля – годовщина Чернобыльской трагедии. И ты, конечно, понимаешь, что там уж точно никакие хиханьки-хаханьки неуместны. Не из-за того, что надо устроить всё-таки эту чёртову показуху. А совсем по другой причине. Чернобыль – наша общая боль. Надеюсь, это ты понимаешь.

Я кивнул. Да, это я понимал. Очень-очень хорошо понимал и чувствовал. И даже ощутил необходимость рассказать об этом детям, поделиться с ними своими мыслями.

...Потом она мне скажет: «Твоя образность мышления в союзе с фантазией – неимоверная сила... Вот бы ещё найти им применение в мирных целях!..»

из педагогического дневника

Чернобыль – трагедия века

открытое занятие 26.04.1990

Дети должны знать правду. С самого раннего возраста. Какой бы жестокой и беспощадной эта правда не была. Они должны знать правду, чтобы, став взрослыми, не лицемерить, не лгать и сделать выводы. Чтобы не было у нас больше новых чернобылей и глупцов, именующих себя учёными и академиками, которые проектируют и создают эти самые чернобыли.

заметки на полях

И не смейте разглагольствовать о том, что человек несовершенен и ему свойственно ошибаться! Не имеют права на ошибку врачи и другие категории людей, подвергающие риску чужие жизни. Каждая подобная ошибка равносильна преступлению из разряда «халатное отношение к своим профессиональным обязанностям». Это не обсуждается. Всё, точка. И закрыли тему.

возвращаясь к дневнику...

Дети должны знать всё. И рассказать им об этом доступно и искренне – священный долг педагога. И не только педагога – честного человека. Я рассказал. Как знал, как умел, как понимал...

Ребята, вы все знаете, какой сегодня день. Ровно четыре года назад, 26 апреля 1986 года, произошла авария на Чернобыльской АЭС, из-за которой погибло и ещё погибнет очень много людей. Сейчас я хочу вам рассказать, почему это произошло...

Все вы, наверное, читали сказку А. Н. Толстого «Золотой ключик или приключения Буратино», да? Помните

Страну Дураков, о которой шла речь в сказке?.. Сейчас этой страны, конечно, нет. Но вот её жители – дураки, разбрелись по целому свету и продолжают жить в разных уголках нашей планеты. Но если бы они приучались жить так, как живут другие люди, беды бы в том не было. Они бы сеяли хлеб, выращивали цветы, шили одежду, строили бы дома... И тогда бы перестали быть дураками. Но, к сожалению, с ними этого не происходит: дураки продолжают совершать глупости, из-за которых приходится страдать всем остальным. Дураки создают новые виды оружия. Такое умное изобретение человечества, как атомная энергия, придуманное для того, чтобы в наших городах было много света, дураки умудрились превратить во вред. И, знаете, что самое страшное? То, что они считают себя умными. И ненавидят тех, кто думает о них иначе.

Многие жители из Страны Дураков переселились и в нашу страну. И их оказалось так много, что они стали собираться в стаи, принимать очень глупые решения, и тут же эти решения выполнять. И вот на одном таком собрании своей стаи дураки сговорились: будем строить атомную электростанцию около Киева. И даже выбрали для этого строительства место: маленький городок Чернобыль.

На их собрании присутствовал умный человек, учёный по фамилии Легасов. Он сказал, что АЭС – очень опасное сооружение, и строить её около такого громадного города, как наш Киев, нельзя. Ведь если внутри этой АЭС не сработают какие-то механизмы, это может привести к сильному взрыву. Умный учёный Легасов напомнил дуракам, как в конце второй мировой войны американцы сбросили по одной атомной бомбе на японские города Хиросиму и Нагасаки. И тогда от каждой такой бомбы погибло больше десяти тысяч человек. И до сих пор в этих городах рождаются дети-инвалиды и умирают люди... Но всё это произошло из-за двух атомных бомб. А что может случиться в Киеве, если взорвётся Чернобыльская АЭС, взрыв которой по силе равен взрыву девяноста(!!!) атомных бомб?!!! Тогда наш город, целый город, в котором живёт почти три миллиона человек, погибнет!

Легасов, конечно, был прав. Но на том собрании он один был умный, а дураков было много. И они не послушали учёного Легасова.

Они начали строить АЭС – быстро, очень быстро. Почему-то дураки считают, что, чем быстрее что-то сделать или построить, - тем лучше это получится. И это было очередной их глупостью.

Чернобыльская АЭС состоит из четырёх частей, которые называются реакторами. Последний, четвёртый реактор, дураки строили особенно быстро и неаккуратно – им не терпелось поскорей закончить работу. Закончили...

Какое-то время Чернобыльская АЭС работала. Но вот, однажды, 26 апреля 1986 года, произошло то, о чём предупреждал учёный Легасов: внутри АЭС не сработало несколько механизмов. Загорелся последний, четвёртый реактор...

К счастью, пожар удалось потушить. Самоотверженно работали пожарники, им помогали солдаты. Очень много людей, сами, по доброй воле, приехали в Чернобыль - помогать тушить пожар. Все они знали, что рискуют здоровьем и даже жизнью. Но они и понимали: если этого не сделать, может случиться катастрофа, какой в мире ещё не было. И очень многие из них не вернулись домой. Одни погибли при тушении пожара, другие – в больницах, с тяжёлыми ожогами, или после того, как надышались отравленным воздухом...

...Сегодняшний день, ребята, - не только день этой страшной аварии. Сегодня – день памяти тех людей, которые ценой своей жизни спасли наш город и ещё много других городов и сёл от смерти. И мы с вами должны помнить об этом, чтобы беда больше не повторилась.

Когда пожар был потушен, четвёртый реактор зарыли глубоко под землю, чтобы он больше ничего не натворил. Но за время, пока велись работы по закапыванию реактора, миллионы вредных частиц высыпались из него. Они попали в воздух, и ветер разнёс их очень далеко от Чернобыля. Воздух оказался отравлен во многих городах: в Киеве, Чернигове, Гомеле, Минске...

Но дураки на этом не успокоились. Вместо того чтобы признать свои ошибки и предупредить жителей всех городов и сёл, находящихся возле Чернобыля, что воздух отравлен, они, наоборот, говорили, что радиация (так называются вредные частицы, которые

из-за взрыва попали в воздух) совсем не опасна для жизни и здоровья человека. Из-за этой их новой глупости очень многие люди заболели и погибли. А учёного Легасова своей дуростью они довели до отчаяния, его сердце не выдержало случившегося, и он умер...

Сейчас наконец-то люди поняли, что вреда от Чернобыльской АЭС может быть гораздо больше, чем пользы. И потому её скоро закроют.

...Да, ребята, невесёлую историю я вам рассказал. У нас ещё очень много дураков, которые могут наделать много новых глупостей, если им, конечно, не помешать. И потому, мне кажется, для того, чтобы дураки не творили глупостей, с ними нужно бороться. Вы со мной согласны?.. А как вы думаете, как и чем мы можем бороться с дураками?..

После бурных дебатов пришли к единому выводу: мы можем бороться с дураками только тем, чего у них никогда не было и нет, то есть умом. Если умных людей будет больше, чем дураков, они всегда смогут доказать дуракам свою правоту – умом, знаниями. А для этого, несомненно, нужно хорошо учиться...

заметки на полях

По ходу урока ко мне на стол легла записка: «Воздерживайтесь от слова «дурак»; оно режет слух»...

Обсуждения урока не последовало. Гость из районо заявил, что не желает принимать участие в пошлом фарсе про Страну Дураков, и уехал. Завуч младших классов сказала, что мы втроём (я, Костик и Серёга) ей сразу не понравились, и наше появление в край развратило и без того распущенный класс. А тут ещё в декрет Надежда Николаевна ушла... Меня подмывало спросить, имеет ли прямое отношение разврат, принесённый нами в школу, к уходу в декрет Надежды Николаевны, но вовремя удержался... А завуч по учебно-воспитательной работе и Валентина Иосифовна ушли домой вместе. Так что приговор в тот день мне вынесен не был.

Сухая, лаконичная программа педпрактики требовала проведения внеклассного масштабного мероприятия. Мы с детками решили: пусть это будет спектакль. Решили поставить несколько сцен по роману Миколи Трублаїні «Шхуна «Колумб». Я открыл деткам эту книгу и этого автора, которого сам очень люблю. Читал им вечерами после самоподготовки, и они ждали этого момента весь день – так им не терпелось узнать, что же будет дальше. «Владимир Леонидович, а Марко разоблачит Анча? А Люду потом найдут? А кто победит – наш эсминец или их подводная лодка?..» В общем, увлѐк не на шутку. Произведение на языке оригинала, украинском, читается на одном дыхании. Тем, кто ещё не читал, искренне рекомендую. Не взирая на возраст. Я специально не искал русского перевода – пусть почувствуют поэтику украинского. Иногда приходилось объяснять значение отдельных слов, иногда - абзацев, но в целом... но в целом, дети были в восторге. Выучили два кусочка наизусть, потом показали их на школьной сцене, в актовом зале... Где и присутствовала та сердобольная мамаша, накатавшая потом на меня телегу Ларисе...

Нет, вы только вдумайтесь в происходящее: мама этой девочки, украинка по происхождению, жалуется директору школы на студента-еврея за то, что тот пытается приобщить её дочь к украинскому языку. Директор школы (тоже, кстати, по происхождению украинка) вызывает этого нерадивого студента к себе и отчитывает по полной программе за то, что в столичной украинской школе он осмеливается учить детей говорить по-украински... Воистину, «жизнь богаче фантазии». А что тут ещё скажешь?..

...так о какой стране говорил в своей сказке А.Н. Толстой?.. И почему такое огромное количество её граждан продолжает жить среди нас?

Вот и всё...

Счастье не может быть вечным. Это что, аксиома такая? Жизнь наша соткана из неожиданностей, встреч и разлук, новых встреч, новых разлук...

Я стоял на опустевшем перекрёстке и испытывал полное бессилие перед нахлынувшим, навалившимся вдруг одиночеством.

Трель последнего звонка смешалась с острым, жгучим ощущением смешного счастья: в это тёплое майское утро Пушинка впервые взяла орешек из моих рук, знакомым детским почерком аккуратно вывела на полях моего педагогического дневника совсем не педагогичное, но такое милое «Я ТИБЯ ЛЮБЛЮ!»...

...я стоял на опустевшем перекрёстке и, захлёбываясь подступившими слезами, не знал, что мне делать и куда идти. И так остро захотелось вдруг в свои, сколько там? - десять, нет, даже восемь лет. Чтобы море, солнце, родители, лето... И чтобы никаких разлук и потерь. А только – радость и ожидание новых приключений и встреч...

Вот и всё. На шумном перекрёстке
Расстаётся. И, не чуя ног,
Я уйду, вчера ещё подросток,
А сегодня - будто педагог.

Где ты, детство? Как же незаметно
Все твои уплыли корабли!
За каким закатом ли, рассветом
След твой растворяется вдали?..

В жизни может многое забыться.
Но в свои аж двадцать с лишним лет
Так и не умею я проститься,
Улыбнувшись весело в ответ -

Так, как улыбались мне ребята
На распутьи этих трёх дорог.
Нет, они ни в чём не виноваты.
Только я не смог, не смог, не смог...

Перекрёсток силуэты скроет.
Вдаль меня троллейбус увезёт.
Тишина. И только ветер втóрит
Грустно и печально: "Вот и всё..."

P.S. Меня часто с удивлением спрашивают: ну, и чего же ты не остался? Был бы детским учителем, воспитателем ГПД, завучем младших классов, наконец... Вот потому и не остался. Быстро привязываюсь, прикипаю сердцем. А прощаться – не умею. Терять не научился, хотя такие учителя были! А я оказался неспособным, нерадивым учеником... С детками, как выяснилось, расставаться ещё труднее, чем со взрослыми тётями и дядями. Я-то знаю – испытал уже на собственной шкуре...

3. «Психолог»

Тамара Васильевна Говорун, так же, как и её однофамилица (или дальняя родственница?) Птица, отличалась умом и сообразительностью, отличалась умом и сообразительностью...

Она относилась к той редкой категории учителей, которая хоть и говорила действительно много, но зато интересно, увлекательно и по делу. Её ровный, спокойный, но, вместе с тем, живой и необычайно «домашний» тембр голоса одновременно успокаивал и зажигал. Успокаивал – тёплыми, слегка ироничными интонациями. Зажигал – классными идеями, потрясающими ролевыми играми и тестами. При этом она была далеко от нас; она говорила, и, казалось, вслушивалась в звуки собственного голоса, как бы заново переосмысливая сказанное. Создавалось впечатление, что её вообще не волнует, слушают её или нет. Да и чего ей было волноваться на этот счёт, в самом-то деле? Её не слушать было невозможно. А чрезмерная говорливость совсем не напрягала, не создавала ощущение, что её как-то «много», а, скорее, забавляла, и оттого делала её лекции ещё более интересными и насыщенными. Необычайно рассеянная по жизни, она никого из нас не помнила - ни по имени, ни по фамилии, ни даже в лицо. Но её доброжелательность и внимание к нашим вопросам с лихвой компенсировали эти мелкие

недостатки. Она отлично знала, когда, в какой группе и что за вопрос ей задали. И, если не могла ответить сразу, отвечала на следующем занятии, не забыв при этом сослаться на те многочисленные источники информации, откуда был взят ответ.

А предмет, который она нам преподавала, назывался длинно и пространно, дабы врагов запутать: этика и психология семейной жизни. Коротко - ЭПСЖ (ох, люблю я эти аббревиатуры: ГПД, КПЗ, ЭПСЖ, КГБ... нет, последнее, кажется, совсем не из этой серии...)

В связи с приближающейся очередной школьной реформой, курс ЭПСЖ должен был стать одним из важнейших интеграционных курсов в старших классах школ. А раз так, его моментально ввели в программу обучения студентов педагогических ВУЗов – с тем, чтобы за пол года в срочном порядке подготовить целую армию преподав-ЭПэСэЖистов... Ну, и как тут в очередной раз не вспомнить Алексея Николаича с его чудесной страной, описанной в «Золотом ключике...»?

Пол года у нас шла яростная начитка лекций, в свете последних постановлений, чтобы выпустить специалистов, которые будут преподавать вышеупомянутый курс в школах, в течении двух лет... И если бы не наша обаятельная Тамара Васильевна Говорун, с её улыбкой, юмором и готовностью ответить на любой вопрос, не знаю, как бы мы сие нововведение пережили...

В новую школу - в новом качестве

Я ждал и боялся этого дня. Было страшно и одновременно интересно: как я буду выглядеть в глазах старшекласников, что смогу? Мне очень-очень хотелось самому себе доказать, что вот получится у меня, что заинтересую их.

...Какая длинная лестница на второй этаж! Кабинет... всё так незнакомо... И насмешливый бас за спиной:

- Это вы, что ли, наш новый учитель по этой... этике... как её?

Действительно, придумывают же названия!

Оборачиваюсь. Передо мной громадный верзила, выше меня на голову.

- Да, - говорю. – Я.

- Здравствуйте! А я – Вася, ваш ученик, - и тянет руку.

Да, Вовик, это тебе не детки-восемилетки...

Держу приветливую улыбку, и при этом изо всех сил сжимаю протянутую мне кисть руки. Вася вскрикивает, приседает...

- Что ж вы, Вася! – так ему, с улыбкой. – Рукопожатие должно быть крепким, мужским.

Смущённо трёт руку и с каким-то опасливым уважением поглядывает на меня...

Заходим в класс. Знакомство с Васей придаёт мне силы. Звонко, почти радостно, почти как моим деткам в *** школе, говорю:

- Здравствуйте, ребята! Садитесь!

Я долго потом ещё буду отвыкать от этих неестественно жизнерадостных интонаций... А привычка осматривать предполагаемое место сидения станет для меня неискоренимой...

Они садятся, и я, с видимой небрежностью, плюхаюсь на свой стул. И... подсказываю, как ошпаренный. С диким криком. Нет, воплем!.. Я не знаю, где они нашли *такие* кнопки. Я, сколько в своей жизни перевидал канцелярских принадлежностей, но таких громадных кнопок не видел до сих пор.

Они смеялись, но в их лицах не было злости или сарказма. Скорее, скрытое восхищение.

- Чего смеётесь? – совершенно искренне возмущился я. – Знаете, как глубоко впелись? Сами их подложили, сами и извлекать сейчас будете!..

Нет, видно судьба у меня такая. Срывать собственные уроки. Класс пóкатом лежит, рыдает, бьётся в истерике. А мой почти серьёзный вид, похоже, доканывает их окончательно.

Позже они мне признаются: «Мы ведь чего ожидали? Будете ёрзать на стуле, тереться, терпеть, как настоящий взрослый учитель. А вы вскочили с таким криком! А потом ещё чуть не заставили нас кнопки вынимать... Прикольнo!»

Прикольнo... Но на этом я не успокоился. На следующее занятие специально пришёл пораньше. Таких же больших кнопок, правда, не нашёл. А только наши, обычные, канцелярские... Ну, зашли

они в класс. Я им невозмутимо так «садитесь!» говорю. Садятся мои новоиспечённые «детки», и тут начинается новый виток. Друг на друга набрасываются, чуть не с кулаками: «Это ты сделал! Я видел!» «Да я отвечаю тебе, не я это!» «Пацаны, кому, в натуре, делать не́ фиг?! Владимир Леонидович, вы не видели, кто оставался в классе?» А я смотрю на них и давлюсь от смеха. И тут до них начинает доходить.

- Это... это что... вы, да???

Дешёвая популярность – тоже одна из разновидностей успеха. Если она подкрепляется потом ещё чем-то, более существенным. Можете меня осуждать. Как вам будет угодно. Но после этого меня начали уважать. Мне даже дружно аплодировал весь класс.

Мне с ними становилось неожиданно легко. С самого начала я предложил задавать мне вопросы, любые. Касающиеся темы урока и нашего курса, или не касающиеся. Предложил писать записки, если вопросы слишком личные, и их авторы пожелают остаться анонимными. Перед ответом на каверзные вопросы часто интересовался: «Вам ответить как нужно, или как я думаю?» Они выбирали, естественно, второе, и у нас часто возникали интереснейшие споры и обсуждения. Было много заковыристых вопросов, и в записках, и в устной форме. Было много вопросов откровенно примитивных и пошлых, на которые просто не знал, как ответить – реагировать-то надо было мгновенно. Тогда выручали две вещи: меня легко, очень легко смутить, но об этом не знает никто, потому что, во-первых, я никогда не краснею. А во-вторых, я никогда не отвожу глаза – продолжаю смотреть в упор на спрашивавшего... И уж не знаю, что бывает такого в моём взгляде, но, после длительного такого рассматривания, человек почему-то смущался, говорил что-то вроде «Извините, вам это послышалось...» и больше не выпендривался. А вопросы типа «Будут ли у нас практические занятия?» (ответ «Будут, ещё как будут!») и «Хватит ли вас на всех?» (ответ «Хватит, ещё и останется!») были заданы в самом начале и потом как-то позабылись...

После уроков ко мне часто подходили - в основном девушки, спрашивали, советовались... И это было безумно приятно. А вот

ребята подходили значительно реже – видимо, в 15 – 16 лет у них ещё другие проблемы. А, может, если бы я был девушкой, ко мне бы, в основном подходили ребята...

...Я прибежал на кафедру, весь запыхавшийся и взмокший, и чуть не бросился ей в ноги.

- Тамара Васильевна, миленькая... помогите!

Тамара Васильевна широко и радостно улыбнулась. Ни тени смятения или удивления на её лице не было. Хотя вид у меня был тот ещё: расхристанный, растерянный, пот лился градом...

- Я вас слушаю, голубчик мой, - ласково сказала она. – Вы студент нашего ВУЗа?

Вообще-то, через день я бывал у неё на консультациях... Но в тот момент я бы даже не удивился, если бы вдруг выяснилось, что я студент *не нашего* ВУЗа...

- У меня завтра занятие... - произнёс я, запинаясь. – О первом сексуальном контакте...

- Очень хорошо! – обрадовалась Тамара Васильевна. Как будто это была её излюбленная тема. – Вы даже не представляете, как это увлекательно! И дети ваши молодцы, что догадались такой интересный вопрос предложить!

- Это не они догадались, это я сам... догадался... По принципу «лучший способ защиты – нападение»...

- Вот и славно, вот и славно! – улыбалась Тамара Васильевна своей очень домашней улыбкой. – Не напомните ли мне, голубчик, ваше имя?

- Володя... (на каждой консультации, каждому из нас она задавала этот вопрос, насчёт имени...)

- Так вот, Володенька. Тема у вас классная. Одобряю. И советую... нет, искренне прошу: говорите обо всём открыто, без ханжества. Расскажите про все известные науке средства контрацепции, про менструальный цикл, про то, когда нужно быть на чеку, а в какие дни можно ничего не бояться, так сказать, секс без ограничений... Ну и про опасность разных венерических заболеваний: триппер, сифилис. Про гонорею неплохо бы вот поведать... про СПИД, наконец. Про определённую разборчивость в связях. Что если уж решили провести

ночь с женщиной лёгкого поведения, пусть это будет профессиональная, опытная путана, которая, заодно, способна научить технике ласк и временной задержке оргазма....

Я медленно сползал по стене, на которую облокотился, когда вошёл на кафедру...

- Голубчик, опять забыла ваше имя... Да вы присядьте! – спохватилась она. – Расскажите, с чего вы хотите начать?

- Я не знаю... - беспомощно пролепетал я. – Я ничего не знаю...

- Но... это же тема, предложенная вами?

- Да...

- И... что? Да что с вами, почему вы сели на пол?

- Потому что я совсем не знаю, как и о чём говорить... а завтра урок...

из педагогического дневника...

Особенности первого сексуального контакта

открытое занятие по курсу ЭПСЖ 12.11. 1990

***Три источника имеют влечения человека -
душу, разум и тело.***

Влечение душ порождает дружбу.

Влечение ума порождает уважение

Влечение тела порождает желание.

Соединение трёх влечений порождает любовь.

из древнеиндийского трактата «Ветки персика»

Ребята, давайте договоримся. Я ненамного старше вас и есть вещи, которые сам ещё не очень хорошо знаю. Поэтому то, что я буду говорить от себя, - это лишь моё мнение, далеко небесспорное. Вы можете (и должны!) остаться при своих убеждениях, если то, о чём я буду сейчас говорить, покажется вам нелогичным или просто неправильным. Единственно, чего я жду от нашего сегодняшнего занятия - ответной реакции, обсуждения. Давайте поговорим; тема, в общем, сложная и неоднозначная.

Когда происходит это, в каком возрасте? Нет стандартов, всё индивидуально. Первая влюблённость к одним приходит чуть ли не в пять лет, к другим – ближе к двадцати. Если спросить каждого из вас,

когда вы первый раз целовались, я почти уверен, что и ответы тоже будут разными: кто-то ещё в младших классах школы, кто-то только в этом году. Думаю, найдутся и такие, кому это ещё предстоит... Многое зависит от характера, темперамента, желаний человека. И, конечно, от того, была ли в его жизни влюблённость, любовь, было ли это взаимно.

Рано или поздно, в нашу жизнь приходит секс. Иногда приходит, а иногда вторгается, врывается, вламывается, всё круша на своём пути. Заставляя забыть о былых привязанностях, переворачивая мир, ломая жизненные планы, даря неповторимые, незабываемые ощущения...

Знаете, в чём, как мне кажется, ошибка многих? Когда ты любишь этого человека, мечтаешь о близости с ним, представляешь себя с ним вместе, ты не думаешь больше ни о чём. У тебя появляется настрой, самовнушение: вам будет классно, вы на пике счастья, наверху блаженства. Всё у вас получится. С первого раза. И много раз.

Выскажу своё мнение. Установка «Всё у нас получится!» - очень правильная, она придаёт сил и уверенности. Но она имеет мало общего первоначально (подчёркиваю!) с «пиком счастья» и с «верхом блаженства», тем более с количеством оргазмов. Давайте поговорим с позиций молодых людей, но – о девушках. Такова физиология людей, что «мужчины любят глазами, а женщины – ушами». Это общеизвестная формула, с которой трудно спорить. Это – природа, это – наша суть. И особенно отчётливо проявляются эти различия в мужской и женской психологии в юношеском возрасте. И в подавляющем большинстве случаев именно юноши являются инициаторами половых контактов. И очень здорово, если девушке хочется того же. Если секс – это не уступка неудержимому желанию партнёра, просто, например, из боязни его потерять. Если, опять же, секс не является средством шантажа («если не отдашься мне здесь и сейчас, я тебя брошу!»). Слава богу, если секс – по взаимному согласию, или взаимной страсти. Одной проблемой меньше.

Но, если уж мы с вами говорим о сексе, о половом акте, а не о разных видах петтинга, давайте помнить, что это неизбежно ведёт у девушек к разрыву девственной плевы. Я не буду сейчас говорить о

моральной стороне, хотя потеря девственности – вещь очень непростая в плане психологическом. Давайте поговорим о физиологии, о физических ощущениях. Потеря девственности – это всегда больно, это кровотечение, иногда сильное... Скажите, о каком удовольствии в данном случае может идти речь? Юноша ведь тоже не слепой, он всё это видит и чувствует...

Не подумайте превратно: я никого не отговариваю. *Я не против секса вообще, я против секса бездумного.* И против неправильных установок. То, о чём я сейчас говорю, может произойти и в 20, и в 30 лет. Разрыв девственной плевы – вещь болезненная, как правило, в любом возрасте. И, кстати, есть мнения, что, чем позже это происходит (после 30-ти, например), тем хуже. Я против секса без ласки, без заботы и любви. Я против секса без взаимного желания.

Через все болевые ощущения нужно пройти (в большинстве случаев это неизбежно), чтобы потом, когда придут полная гармония и взаимопонимание, наслаждаться радостями любви, купаться в море нежности...

Юноша в первую ночь должен быть особенно осторожен, он должен с самого начал научиться чувствовать партнёршу. И, как мне кажется, временно забыть об оргазме. Стараться не причинить боль – ни словом, ни неосторожным, резким движением.

А если первая ночь в вашей жизни была, и самые тяжёлые её испытания остались позади, но от вашего секса вы до сих пор не в восторге, давайте подумаем вот о чём. Сексуальное поведение мужчины и женщины обычно в корне отличается. И об этом говорят многие сексологи. Например, типичным считается, что мужчина быстро возбуждается, и после оргазма у него так же быстро наступает период полного расслабления. Женщина возбуждается значительно медленнее и после наступления оргазма так же медленно возбуждение у неё угасает. Назовём это «несовпадением сексуальных фаз». Что нужно, чтобы этого не происходило? Или чтобы уменьшить подобное несовпадение?

Прежде всего, половому акту должна предшествовать своеобразная прелюдия - любовные игры, взаимные ласки, поцелуи, поглаживание эрогенных зон. Собственно половой акт – это только

четвёртая часть времени, отводимого партнёрами на сексуальное общение.

После достижения оргазма, как бы не хотелось мужчине расслабиться, уснуть, он должен помнить, что именно сейчас его любимая, как никогда, нуждается в ласке. И в этот момент самая чувствительная эрогенная зона женщины – уши. Она ждёт – ласковых слов, прикосновений, в которых чувствуется благодарность от любимого...

Когда мы говорим о полной сексуальной гармонии, о сексе как о чём-то радостном, помогающем партнёрам строить своё счастье, не оставляющем место невзгодам, недомолвкам и недоразумениям, мы принимаем, что этому нужно учиться. Иногда годами. Нужно учиться быть терпимым и терпеливым. Нужно учиться уступчивости. Нужно досконально изучить тело любимого, его эрогенные зоны (помимо общеизвестных, есть ещё очень индивидуальные у каждого). Учитывать такие вещи, как интерьер комнаты, освещение (или его отсутствие), разные атрибуты, создающие соответствующие настроение (например, ужин вдвоём при свечах).

Нужно учитывать, что у многих женщин оргазм отсутствует до рождения ребёнка. И это тоже нормально. Если любовь взаимна, отсутствие оргазма у женщины компенсируется сознанием того, что она любима и доставляет наслаждение любимому.

Гармония сексуальных отношений, так же как и гармония любви, зависит от многих факторов, главным из которых, по моему мнению, является взаимное желание доставить радость любимому (любимой).

заметки на полях

По ходу урока я получил несколько записок с вопросами, на которые попытался дать исчерпывающие ответы.

Вопрос: «Если парень и девушка горды и застенчивы, но хотят познакомиться (они друг другу нравятся), кому нужно сделать первый шаг, и как?»

Ответ: - Трудно сказать. Рецептов на все случаи жизни, как вы сами понимаете, не существует. Времена меняются, и в наше время,

наверное, ничего зазорного не будет, если девушка сделает первый шаг. Но... лишь в том случае, если она в своём выборе уверена и по складу характера является более раскрепощённой. В записке описывается другой случай – когда оба: и парень, и девушка застенчивы. Я думаю, в этом случае парень, если у него это действительно серьёзно, должен всё-таки помнить о том, что он мужчина...

Вопрос: «Как долго можно заниматься сексом? И с какого возраста?»

Ответ: - Женщины обычно могут до отмирания женских функций организма (прекращение менструаций), но часто и после этого. Средний предел – где-то 65 - 70 лет. Мужчины – иногда и после 80-ти; чаще – до 70-ти – 75-ти лет, но это очень индивидуально.

С какого возраста? Решайте сами. В принципе, если парень и девушка любят друг друга и считают физическую близость приемлемой для уровня своих отношений, я думаю, никто не в праве их осуждать.

Вопрос: «Как вы думаете, следует ли бросать девчонку, если по гороскопу она вам не подходит, и между вами начались трения?»

Ответ: - Я верю в приметы, но не до такой степени. То же могу сказать и о гороскопах. Если она вам действительно нравится, дружеский совет: не верьте гороскопам, постарайтесь разобраться в причинах возникших между вами трений.

Вопрос: «Чем, на ваш взгляд, лучше вскружить девчонке голову – деньги, роскошь или простота?»

Ответ: - Честно говорю: не знаю. В таких ситуациях я старался оставаться самим собой. Иногда мне это помогало, иногда всё сводило на-нет.

Вопрос: «Если человек хочет провести ночь с проституткой, осуждаете ли вы его поступок?»

Ответ: - Каждый сам решает для себя. Лично я – осуждаю. Мягко говоря, я считаю эту случайную связь нечистоплотной.

Вопрос: «Как вы относитесь к лесбиянкам и гомосексуалистам? Можно ли принимать эту любовь как нормальную?»

Ответ: - Нет, медицина утверждает, что влечение однополых людей друг к другу – патология. Как я к этому отношусь? В демократическом обществе должно быть позволено всё, что не мешает ему нормально жить и развиваться. Сексуальные меньшинства - лесбиянки и гомосексуалисты – люди со своими потребностями и жизненными ценностями. Их существование невозможно отрицать. И дико было бы пытаться заставить их жить так, как живёт гетерогенное (с традиционной половой ориентацией) большинство. Единственное, что, на мой взгляд, недопустимо – пропаганда и реклама однополый любви.

Вопрос: «Мне нравится парень (мужчина). Он женат. Мы с ним встречаемся уже год. Ни о какой близости у нас нет даже разговоров. Многие говорят, что ему нужно только поиметь меня, и советуют бросить его. Но я почти уверена, что это не так. Что мне делать?»

Ответ: - Да, наверное, это не так, раз вы уже целый год встречаетесь (за год-то можно узнать человека!). Говорят: «Жизнь покажет». Ещё говорят: «Всё, что ни делается, - к лучшему». Мой вам совет: не торопите события. Наберитесь терпения. Если он вас действительно любит, мне кажется, сейчас он вам ничего такого и не предложит. Ещё мне кажется, что, если у него это серьёзно, он (как это жестоко звучит, но что поделаешь?!) со временем разведётся с женой. Но лучше не драматизировать ситуацию и не забегать вперёд. Лучше – подождать.

Вопрос: «Как, на ваш взгляд, молодой муж отнесётся к супруге, узнав, что он у неё не первый, с кем она имела близость?»

Ответ: - А почему вы не спросите, как отнесётся молодая жена к супругу, узнав, что она у него не первая? Получается «что дозволено Юпитеру, то не дозволено Быку», так?..

Но в принципе, ни в том, ни в другом случае никакой крамолы нет; живём ведь не на необитаемом острове. У каждого в жизни бывают встречи, симпатии, чувства... Это всё понятно. Вины ведь никакой нет, раз всё было до вас... И об этом обстоятельстве, я думаю, можно легко забыть, если вы найдёте в этом человеке то, что искали...

Вопрос: «Я дружила с парнем и не ценила его дружбу. Но

после между нами вышла ссора. Теперь мы даже не здороваемся, когда встречаемся на дискотеках. А я очень жалею о нём, я хочу с ним дружить. Но боюсь первой заговорить. Что делать?»

Ответ: - Если вы чувствуете бóльшую степень своей вины в этой размолвке, мне кажется, вам всё-таки стоило бы попытаться перебороть свою гордость и подойти первой. Ведь парень может даже не подозревать, что вы им дорожите. Если же виноват он или вы оба... честное слово, будь я на месте этого парня, подошёл бы первым. Но в этом случае остаётся только одно: ждать...

Вопрос: «Я дружу с парнем, ему 21 год. Мы вместе ходим в кино, на дискотеку, он звонит мне домой. Я особенных чувств к нему не испытываю и не знаю, любовь ли это? Некоторые подруги советуют мне поссориться с ним, потому что он старше меня, а мне 16 лет. Я не знаю, как мне быть?»

Ответ: - Вот вы пишете: «Я особенных чувств к нему не испытываю...» Раз так, это, очевидно, не любовь. Но значит ли это, что обязательно нужно расставаться, тем более, ссориться? Думаю, нет. Он ведь не опротивел вам, не надоел, просто вы не знаете, как к нему относитесь... Милые девушки, извините, может я рискую показаться вам занудой... Но я в очередной раз автору этой записки посоветовал бы запастись терпением. Время покажет, и наверняка кое-что подскажет...

«Еврейское счастье»

(заметки на полях)

Самолёт терпит крушение над акваторией Тихого океана. К пассажирам выходит бортпроводница. «Господа! - сообщает она.- Мы совершаем вынужденную посадку в океане. Сейчас каждому из вас будут выданы спасательные жилеты и свистки – чтобы отгонять акул». Один пассажир другому говорит: «Слышишь, Хаим, с НАШИМ СЧАСТЬЕМ нам попадётся или дырявый жилет, или испорченный свисток, или глухая акула...»

Знаете ли вы, что такое еврейское счастье? Нет?.. Ну, как вам объяснить...

- это когда в зале заседаний все садятся на стулья, и вы садитесь на стул; только потом 19 человек встают обыкновенно, а вы – вместе со стулом, потому что именно к вашей заднице приклеилась жвачка, лежавшая именно на вашем стуле...

- это когда двери с фотоэлементом, которые всегда перед всеми нормальными людьми открываются автоматически, однажды вдруг не открылись именно перед вами, и вы себе чуть физиономию не расквасили об эти самые двери...

- это когда вы долго собираетесь навестить друга, живущего в пригороде, постоянно откладываете поездку по причине хронической занятости, а потом, когда с таким трудом выкраиваете время, приезжаете на вокзал, и оказывается, что электрички не ездят, потому что именно сегодня - плановый ремонт железнодорожных путей, который, вообще-то, проводится один день, раз в 15 лет...

- это когда у вас одновременно кашель, насморк, непрерывный чих, вывих правой ноги, сильный ушиб левой руки, и каждые 15 минут, с горчичниками на спине и груди, чихая и кашляя, на одной левой ноге, с подвязанной правой рукой, вы вынуждены бодро прыгать в туалет, потому что у вас ко всему ещё жуткий понос, а завтра ра-а-аненько утречком надо быть на работе, потому что у вас открытый урок, который посетят американцы...

Как нетрудно догадаться, все случаи, описанные выше, - глубоко автобиографичны...

Моё еврейское счастье на сей раз явилось в виде семяющей старушки, «бабушки божий одуванчик» - завуча школы, имени-отчества которой я так и не узнал.

Я пришёл, ни жив, ни мёртв, на свой урок по первому сексуальному контакту и ещё отметил, что в классе как-то непривычно тихо... Ребята, сидящие за первыми партами, недоумённо пожимая плечами, показали мне на «галёрку» – мол, чего с бабулькой-то делать будем? Я взглянул на неё мельком, поздоровался... Одного взгляда хватило, чтобы составить себе целостное представление: старый большевик. Из тех, кто умирает на рабочем месте. Да, влип - так влип. Но отступить некуда. Надо урок проводить.

Нет, ну почему всё так получается? Любой мой урок считался открытым, на любой мог прийти завуч, директор... да кто угодно! И были ведь уроки! Почему бы ей не посетить занятие на тему «Психология предбрачного ухаживания»? Мы, кстати, там и атмосферу воссоздали 19 столетия: девушки с веерами, юноши все при пиджаках и галстуках, музыку подобрали (Бизе, Гайдн, Моцарт)... Или вот ещё был урок на тему «Знакомство», где стихи читали... Нет, захотелось ей прийти сегодня! Ну и отлично, пусть сидит! Глядишь, и для себя чего нового почерпнёт...

Между прочим, в классе была атмосфера, что называется, рабочая. Беру на себя смелость заявить, что в стенах этой школы до меня никто с ними так откровенно не беседовал. Насмешливые выражения на лицах как-то сразу уступили место напряжённой задумчивости, смешанной с лёгким состоянием оцепенения. Они не спорили, не комментировали, они слушали, раскрыв рты. Между окончанием моего монолога и их вопросами прошло несколько минут – в полной тишине. Осмысливали, примеряли на себя...

А бабулька? А что бабулька? Её хватило минут на десять, не больше. Буквально с первой минуты она достала упаковку каких-то таблеток и шерудила ими, пытаюсь разорвать – ну, уж не знаю, демонстративно ли громко, чтобы привлечь внимание или так само собой получилось... Потом вдруг вскочила и с прыткостью, достойной зависти юной лани, выскочила из класса, оглушительно хлопнув дверь. И по дороге бросила клочок бумажки на мой стол. Клочок гласил: «О вашем нравственном облике мы поговорим ниже!»

Для меня осталось невыясненным, что подразумевалось под словом «ниже» - *ниже*, потому что её кабинет находился этажом ниже, или *ниже*, потому что потом...

В общем, закончив урок, я чувствовал невероятную усталость. Тут было и напряжение от почти бессонной ночи, мысли, волнения... А ещё этот непредвиденный разговор. Не хотелось портить себе зачётку плохой оценкой – всё-таки я шёл на «красный» диплом.

И вот собираюсь, с вещами и мыслями, готовлюсь к тяжёлому разговору... Подходит девушка, из класса. Стоит, переминается с ноги на ногу – видимо, ждёт, пока все выйдут... Мы остаёмся одни.

Спрашиваю: «Юля, вы хотели меня о чём-то спросить?» (Это был период, когда ко всем ученикам я обращался на «вы», и им это жутко нравилось. По-моему, я в их школе был единственным преподавателем, который говорил им «вы»). «Нет, Владимир Леонидович, скорее попросить...» Без всякой задней мысли, с готовностью отвечаю: «Я вас слушаю, Юля». В классе, кроме нас, никого. Юля ростом мне едва до плеча доходит. Своими простодушными, широко раскрытыми глазами, глядя прямо в мои: «Владимир Леонидович, поцелуйте меня, пожалуйста!» Я опешил. Мысленно я был в тот момент далеко, в кабинете у завуча, поэтому мой вопрос «Куда?» был, на самом деле, чисто механическим. Я не очень-то думал в тот момент, что говорить... Юля, наверное, совершенно справедливо посчитала, что я над ней издеваюсь. Подходит к двери, защёлкивает задвижку, возвращается ко мне. «А вы напрасно смеётесь, - говорит. - Вы, пока не исполните мою просьбу, никуда отсюда не уйдёте»...

...Я потом, когда рассказывал эту историю Игорю, услышал от него неожиданно простую, но довольно разумную мысль: «Ну и поцеловал бы ребёнка в щёчку, и обернул бы всё в шутку, и проблем бы у тебя не было!»

Нет, видимо, «проблем бы у тебя не было!» это вообще не обо мне. Не с моим еврейским счастьем...

Я в тот момент даже не задумывался: исполнить мне Юлину просьбу или нет? Я начал искать выход, лазейку. И, естественно, нашёл. Урок проходил в кабинете биологии. Недалеко от нас, опёршись о стену, сиротливо стоял скелет. «Хорошо, - сказал я ей. – Но, вообще-то, человек я стеснительный, поэтому прикройте, пожалуйста, глаза». Юля честно выполнила мою просьбу, и скелет тут же переключился в её объятия...

Со своим еврейским счастьем я не учёл две вещи. Во-первых, нужно было поинтересоваться её реакцией на неординарные события, на поцелуи скелетов в частности. Во-вторых, отделив скелет от стены, я не сразу заметил, что его голова не скреплена с туловищем. И в тот момент, когда скелет предстал перед Юлей во всей неповторимой красе, его голова отделилась от туловища и упала

прямо в её объятия, по дороге оглушительно клацнув челюстями, где-то на уровне её лица...

На истерический крик Юли сбежалась уйма народу. Надо заметить, что картина, если её наблюдать со стороны, вполне достойна пера: молодой учитель закрывается с ученицей в классе, та через какое-то время кричит так, что уши закладывает... Да и урок тематический только что был: особенности первого сексуального контакта...

В дверь тарабанят ногами. Я открываю. Правда, тут у меня абсолютное алиби. Я стою в стороне. Юля – в обнимку со скелетом, точнее, с его головой. Так что, если кого и можно обвинить в сексуальных домогательствах, так только его, этого несчастного скелета...

Вбегают три её одноклассницы. «Владимир Леонидович! Что вы делаете с нашей Юлей?» «Ничего, - говорю я, скромно стоя в стороне. – У нас практическое занятие, как вы просили. Помните, в самом начале?..» Быстро оценив обстановку, девушки под руки выводят оцепеневшую Юлю из класса. «Юлечка, постойте! – кричу ей вслед. – Вы мне голову-то верните. А то вдруг у меня ещё будут практические занятия!»

Потом, когда я остался один, сел на стул, и, помните, как Женя Лукашин в фильме «Ирония судьбы...», когда ему перед Надиными подружками пришлось выдавать себя за Ипполита... поглаживал себя по рукам и приговаривал: «Спокойно, Ипполит, спокойно...»

А потом состоялась короткая, но незабываемая встреча у «божьего одуванчика» в кабинете. «Как вы смеете, - кричала она мне в лицо. – Как вы смеете травмировать нежные детские души этими своими... грубыми разглагольствованиями?! Да в моё время...»

Э-э, милая! Прошло твоё время. И, даст бог, никогда больше не вернётся. А по поводу «грубых разглагольствований» - это тебе ещё повезло, что ты с Тamarой Васильевной нашей не знакома. Она бы тебе подробно, на пальцах, рассказала бы и про сублимацию анальной эротики, и про технику орального секса, а на закуску выложила бы перед твоим носом все колпачки-презервативы, и

подробно бы начала объяснять, как и куда всё это надо вставлять и на что надевать...

Но одну фразу бабулька произнесла, за которую я её всё-таки зауважал. Пролистнула мою зачётку, поправила очки... «В общем так, Сапиро, - говорит. – Я не хочу, чтобы мои внуки остались без бабушки. И потому не буду тратить на вас нервы и здоровье. Я ставлю вам «отлично», но при одном условии: идите, и чтобы духу вашего здесь больше не было!» «Договорились!» - бодро пообещал я...

Правда, своё обещание мне пришлось нарушить – уж сильно ребята звали. Познакомился я с их классным руководителем, Майей Михайловной. Ребята ей про последний урок рассказали. Так она попросила меня выступить на «бис» перед параллельным классом... А Юлю я тоже видел... Ничего, поздоровались. Она, по-моему, зла на меня не держит. Но я перестал интересоваться её как мужчина. Ладно, как-нибудь перетопчемся...

К Тамаре Васильевне я зашёл на следующий день – рассказать про урок. Она меня увидела ещё когда я по лестнице поднимался. Увидела, узнала (!), и – святая непосредственность – кричит через два лестничных пролёта:

- Володенька! Ну как вам мои контрацептивы? Пригодились? А изображения фаллических символов? А переход от углублённого петтинга к коитусу успешно прошёл, да? Вот видите: мы с вами плодотворно в прошлую ночь поработали...

ПТУ

Аня позвонила накануне вечером. Позвонила – и с места в карьер, как она умеет:

- Володичка, выручай! Мне два урока провести в новом месте, сегодня и послезавтра. А я вот приболела... выручишь?

- Куда ж я денусь? В какую школу ехать нужно?

- Да не школа это. ПТУ. Строительно-монтажного управления.

- Ань, ты чего? – говорю. – Какая этика, какая психология? Зачем оно им?

- А я знаю? Направили и всё... адрес пишешь?

- Пишу...

С Аней мы встречались на первом курсе. Если быть до конца откровенным, она - первая девушка, с которой я по-настоящему целовался... И было это в три часа ночи на сельском кладбище... Мы тогда, перед началом первого курса на сельскохозяйственные работы ездили... Только она потом меня вечно ревновала к моим деткам из ГПД. Правда, положила руку на сердце, надо сказать, не так уж и безосновательно... Через год она встретила своего Славика, вышла за него замуж, и мы остались в хороших отношениях... Ну как тут не помочь?

И вот еду в это ПТУ, еду, а из головы всё не выходит: ну зачем им там ЭПСЖ? Что им рассказывать? Понабирал тесты, повыписывал в блокнот ролевые игры... «Ладно, - думаю. - Как-нибудь выкрутимся!»

Приехал. Захожу. Первое, что поразило, так это одинокий портрет Энгельса в вестибюле. Странное дело: видел я часто всю эту троицу целиком - Маркса, Энгельса и Ленина. Видел Ленина одного. Видел одного Маркса. Даже вдвоём их, Маркса с Энгельсом, видел. Видел Маркса и Ленина. Но вот так, чтобы Энгельс один висел... Как-то даже дико... И поселилось во мне недоброе предчувствие...

И начал я, в смятении, искать нужный мне класс. И нашёл я класс, и вошёл я в него. И предстала взору моему дивная картина...

Хорошо всё-таки, что не Аня, а я! Нет, не женское это дело - работать в строительном ПТУ, даже преподавателем ЭПСЖ!

За первой партой, развалясь на стуле и забросив длинные ноги в грязных ботинках аж на мой учительский стол, сидел пьяный вдрызг отпрыск. Жевал сигарету, уставясь в меня, точнее, в какую-то вёдомую лишь ему одному точку во мне, своим стеклянным взором.

Вот тебе и «недобрый знак» - одиноко висящий Энгельс в вестибюле...

Моё предстартовое горячее волнение мгновенно сменилось холодным бешенством. Я понял, инстинктивно почувствовал: добром это всё равно не кончится. И чем раньше не кончится добром, тем лучше.

Подошёл к нему вплотную.

- Молодой человек, - говорю. – Вглядитесь в меня внимательно. Вы очень удивитесь: я – ваш новый учитель.

В ответ – несвязное бормотание, вперемешку с трёхэтажным матом...

Его бы ещё могли спасти одноклассники, если бы выразили готовность вынести за пределы класса. Но нет, вся группа с явным интересом наблюдала за моими действиями. - Ладно, - цежу сквозь зубы. – Если будет больно, придётся потерпеть.

В следующую секунду он с размаху шлёпнулся на пол; я выбил из-под него стул. Падая, ударился о соседний стол... Неприятное ощущение. Зато отрезвляющее. Схватился за голову и быстро, насколько заплетавшиеся ноги позволяли, выбежал из класса.

Что тут поднялось! Мятаж! Революция! Да вы! Да чему вас учат в ваших ВУЗах! Да какой вы педагог! А если мы сейчас вас, да головой об стол!..

Всё, хватит быть интеллигентом! Слишком дорого за эту грёбанную интеллигентность платить сейчас придётся... Грохаю указку о стол – так, что она разлетается на части.

- Молчать!!! Правдолюбь... Я не только в институте – я и в армии кой-чему научился! Так что пыл-то свой поуймите, а то кому-то ещё обломится... Так вот. Жлобства не потерплю. И жлобов – тоже. Всем всё ясно, не слышу?!

Поутихли. Волчатами смотрят исподлобья. А я уже подостыть малость успел.

- Ну, давайте, - говорю. – Раз такое дело, высказывайтесь. Что, по-вашему, было не так?

Оживились. Правда, кричать уже не осмелились. Но опять за своё: неправильно, говорят это, непедagogично. У него вот сотрясение мозга может быть. А вы себе спокойно урок начнёте. Как ни в чём не бывало. Про этику и психологию будете нам рассказывать. А сами вот - человека побили...

Да нет у него никакого сотрясения. Я, слава богу, все симптомы этой штуки знаю. Ничего с ним не случится!.. Умом-то я это понимаю, но сам стою и трясусь. Уже и побежать за этим кретином малолетним готов, жалко его... Делаю над собой усилие...

- Высказались? – спрашиваю. – А теперь меня послушайте. Плохо, конечно, что он стукнулся головой. Но, зато когда проспится, хорошо подумает, стоит ли напиваться до поросячьего визга и в таком виде являться на урок... А вы, если считаете, что я абсолютно спокоен и могу сейчас работать – вот, можете посмотреть...

Я вытянул перед собой свои жутко трясущиеся руки (наследие доблестного армейского прошлого; они итак после армии у меня дрожат, а когда нервничаю, начинается настоящая трясучка)...

- А теперь... - в воцарившейся гробовой тишине тихим, но вполне ровным голосом произнёс я, - тема урока...

Второе занятие с ними не принесло особых сюрпризов. Изгнанный мной ученик на урок не явился, но с ним всё было в порядке. А вот одна интересная вещь всё же произошла.

На втором занятии я почувствовал к себе отношение. Оно было странным, это отношение. Была в нём и молчаливая покорность – мол, делайте с нами, что хотите; и скрытый какой-то интерес – не к моему предмету, а ко мне лично: мол, что за странная птица?

Тему я выбрал попроще. Про конфликты в семьях рассказывал. Чувствовалось, что многим это близко... Только девушка одна уснула на моём уроке. И хоть обидно было, да ладно, думаю, потерплю. Хватит, поскандалил уже. И урок, к тому же, последний... Но тут она храпеть начала, громко так...

- Как зовут человека? – спрашиваю

- Таня, - с опаской сообщают одноклассники.

Во дожился – дебоширом ведь считают!

Осторожно, так, даже ласково почти, трогаю её за плечо:

- Таня, Танечка... мы вам не мешаем, нет?

Приоткрыла глаза:

- А вы кто?

- Я – ваш учитель...

- Угу... а зовут вас как?

Видать, не была девочка на прошлом занятии, а то бы хорошо запомнила, кто я и как меня зовут...

- А зовут меня, Таня, Владимиром Леонидовичем.

- А у меня сейчас это... мартовский период, - сказала Таня и уронила голову на парту.

Класс, затаив дыхание, наблюдал за мной...

Я вздохнул:

- Ну что ж... мартовский период... оказывается, не только у кошек. Запомню. Это как раз по моей специальности, по психологии, пригодится...

К середине урока разболелась вдруг голова. А я как раз пребывал в разгаре своего повествования.

- ... и вот, когда его папочка в очередной раз на бровях заявился домой... - вещал я...

- Владимир Леонидович! – раздался вдруг голос с галёрки. – Оно вам надо?

- Что? – не понял я.

- Ну... рассказывать нам всё это, когда вам нездоровится.

Я обалдело смотрел на парня, который мне это говорил, и понимал, что в данный момент не понимаю ничего.

- Лягте поспите, на заднюю парту, - увещевал он. – А мы постоим на шухере, чтобы из начальства кто вас не засёк.

Вот такая забота обо мне. Типа за своего признали...

«Бермудский треугольник»

Центральный ЗАГС известен всему Киеву под названием «Бермудский треугольник» - видимо, из-за своего внешнего фасада, причудливой треугольной крыши и бесчисленного количества внутренних комнат, теряющихся в лабиринтах этажей. Здание, подавляющее своей торжественностью и официозом. Больше всего потрясал бюст Ленина, который величественно возвышался на постаменте, обтянутом сукном кроваво-красного цвета, в зале торжественных церемоний. Исполнитель закона стояла по одну сторону от вождя, брачующиеся – по другую. И на первых снимках Ильич всенепременно фигурировал рядом с новобрачными. А надпись под бюстом недвусмысленно гласила: «Ленин – с нами!» Как в том старом советском анекдоте про мебельную фабрику,

выпустившую трёхспальную кровать для молодожёнов, с аналогичным названием...

Я в этом ЗАГСе даже один раз бракосочетался. После чего сказал себе, что в следующий раз это может быть где угодно, только не здесь. Эта псевдокрасота и холод мраморных плит одновременно давят на психику и угнетают.

На четвёртом курсе своего пединститута я был заслан сюда в странном качестве: психолога-методиста. В мои обязанности входило мирить разводящиеся пары... Тамара Васильевна, добрая душа, удружила. Но я уже тогда вывел для себя незыблемую формулу успеха: любые ситуации, даже самые нелепые, надо проживать с мыслью, что рано или поздно всё заканчивается, а вспоминать потом будет интересно. Возможно, даже смешно... Так я и отнёсся к своей нынешней психолого-педагогической практике.

По сложившейся традиции, моя деятельность началась с кабинета заведующего. Вводный инструктаж был предельно лаконичным.

- У тебя регламент, - сказал мне заведующий. – Десять минут для работы с каждой парой. Поставь перед собой настольные часы – лучше будешь следить за временем. О чём и как с ними будешь говорить - меня не касается. Да и тебя – тоже. Главное, помни: регламент. Меньше - нельзя, больше – можешь, если очереди нет. Они все проходят через тебя. Без твоей подписи развод состояться не может. Твои действия: при любом раскладе даёшь им время на размышление – три месяца. Выписываешь квитанцию об оплате услуг и вызов в отдел разводов. Они могут не соглашаться, кричать, что им нужно раньше, ссылаться на форс мажорные обстоятельства... Никого не слушаешь – закон есть закон. Но, если приходят к тебе с конвертом и говорят, что процедуру следует оформить срочно, это не к тебе – это ко мне. Мой кабинет – этажом выше. Всё понятно?..

В принципе, работа была как работа – в меру нудная, в меру заурадная. Подавляющее большинство посетителей не нуждалось ни в советах, ни в помощи. Взрослые люди, почти все старше меня, уже давно всё для себя решившие. Одни из вежливости позволяли

задавать себе вопросы. Другие пренебрежительно смотрели на меня, как бы говоря: «Да на таких, как ты, пахать надо! В стране национальное бедствие – урожай уродился. А собирать некому! Сидишь тут, пятую точку протираешь!..» А третьим было просто всё по барабану: хочешь задавать вопросы – задавай, раз работа у тебя такая...

Но о двух замечательных парах, пришедших ко мне на консультацию, я вам с большущим удовольствием поведаю...

Они решили разводиться, когда им было уже хорошо за семьдесят. К сожалению, не помню их имён-отчеств. Бабушка хотела помогать внучке с грудным ребёнком (вы уверены, что когда вам будет за семьдесят, захотите нянчиться с грудным ребёнком?), и с этой целью собиралась переехать к ней жить. Дедушка привык жить один, и ни за что не соглашался на перемену обстановки. Короче, дело дошло до развода.

Помню, как дедушка, подслеповато щурясь, и вглядываясь в мой бейджик, голосом, полным искреннего такого, безнадёжного отчаяния, спросил: «Владимир Леонидович, не могли бы Вы, с высоты Вашего жизненного опыта, нам посоветовать, что нам делать?»

А Владимир Леонидович сидел, слегка пристукнутый, и не знал, как объяснить этому интеллигентному дедушке, что сам недавно пережил такую же вот бракоразводную процедуру, не успев пожить семейной жизнью даже год... Вот вам, дедушка, и «высота», вот вам и «жизненный опыт»... Я глядел на этих несчастных стариков, которые прожили больше сорока лет вместе, и, даже придя ко мне в кабинет – разводиться, стулья придвинули друг к дружке. Когда он закашлялся, зашёлся астматическим кашлем, она вскочила и сразу баллончик подсунула: «На, подыши...» и так стояла над ним, пока приступ не прошёл... Я смотрел на них, и мне хотелось крикнуть: «Опомнитесь, да опомнитесь же! Что вы делаете?!» И вдруг я понял, что они пришли ко мне. Да, вот так. Не разводиться, а именно ко мне. К психологу. На приём. Они ждут, они очень хотят, чтобы я их отговаривал. И в тот момент какой возраст и какой опыт имели значение, если они хотели просто элементарного сострадания...

И «Остапа понесло». Я рассказал им трогательную историю своих бабушки Лизы и дедушки Сени, которые прожили трудную жизнь, полную невзгод и лишений, в стольком себе отказывая. Но были счастливы в этой дореволюционной двухкомнатной развалюхе в Белой Церкви. Просто потому что любили друг друга, детей, внуков... И все проблемы решали вместе.

Не знаю, сколько длилась наша беседа, но мы изрядно превысили десятиминутный регламент. Они уходили, облегчённо улыбаясь, долго благодарили меня. На прощание дедушка сурово пожал мне руку, а бабушка расцеловала в обе щеки... На развод они не пришли. Значит, передумали (или, как ехидно предположил Игорь, в другой ЗАГС пошли, где нет такого зануды-психолога, часами полощущего мозги).

Вторая пара - Серёжа и Наташа. Обоим по семнадцать с половиной лет. Пол года как женаты. С разрешения родителей. Наташа не была беременна, то есть женились по любви, а не из-за крайней необходимости.

После тихих, вежливых, и учтивых бабушки с дедушкой, в кабинет ворвался настоящий вихрь эмоций. Серёжа тоже, как и дедушка, глянул на мой бейджик, и после интеллигентного «Владимир Леонидович, не могли бы Вы, с высоты Вашего жизненного опыта...», понеслось: «Слышь, Вовчик, в натуре, ну о чём с ней говорить, если она, блин, в футболе не шарит ни фига, даже не знает, кто такой Блохин...» А Наташа – в слёзы: «Тебе, - говорит, - кушать, кто готовить будет??» И ко мне: «Достал уже со своим футболом – сил нет!»

Посидели, покалякали. Я сказал своё веское слово, что футбол, конечно, великое дело, сам люблю и частенько играю. Но и кушать вроде как тоже надо... А Серёжа, как от меня про футбол услышал, так ко мне и проникся... «Слышь, Вовчик... братан... а вы где в футбол-то играете?» А как узнал, что в Гидропарке, тут вообще глаза загорелись, договариваться о матче со мной начал...

С тех пор мы частенько в Гидропарке играли – и команда на команду, и в одной команде. И Наташа иногда с Серёжей приходила.

Он оказался хорошим парнем, только ершистым немного. Ну ничего, через пару лет это сгладилось.

А с Наташей мы тогда специально встретились. Я ей справочники футбольные принёс. Почитай, говорю, удиви любимого эрудицией. Мир, понятно, не из одного футбола состоит. Но и не из одной кухни – тоже. А Серёже нашёптывал: «Ты, Серёга, Наташку не тирань. Она у тебя и так малость зашуганная. Кушать вкусно ведь любишь? Ну, так и дай жене делом любимым заняться - мужа попотчевать. И всё у вас путём будет, вот увидишь!»

В назначенный день пришли, чистенькие, свеженькие, благоухающие. А у Наташи цветы – Серёжа «к разводу» подарил. «Мы, - говорят, - за тобой. Идём, где-нибудь посидим, отметим наш несостоявшийся развод...»

Вот такие две интересные пары были у меня!

4. «Маэстро»

из педагогического дневника

Татьяна Юрьевна

- Понимаете, - сказала нам Татьяна Юрьевна, - я не педагог. Я – актриса. Хорошая актриса. Я остаюсь актрисой и в жизни, и на сцене. Я очень отдалённо представляю, какую цель преследуете вы. Но раз уж вы пришли сюда, ко мне, работать будете. Не покладая рук. Вместе со мной. И не потому что я вам буду пытаться вдалбливать эту науку – актёрское мастерство. Вам ведь через год работать самостоятельно придётся, - поэтому. Впрочем... - Татьяна Юрьевна хитро сощурилась. – У нас тут есть ещё Валентин Филиппович, тоже драмкружок ведёт. Очаровательный мужик, между прочим. Пойдите и к нему. Может, кому-то ближе его форма работы покажется. Идите, он сейчас у себя.

Все встали, собираясь последовать её совету. Все – кроме меня. Я остался на месте. Я для себя всё уже решил.

- А ты? – удивилась Татьяна Юрьевна. – Чего не идёшь?

- А я – у вас! – без тени сомнения ответил я.

- И всё?! – она насмешливо-удивлённо приподняла брови и голосу придала соответствующую интонацию.

- И всё! – в тон ей ответил я.

заметки на полях

- Понимаешь, - часто повторяла она. – Я не педагог – я актриса.

Да, это так. Она по образованию не педагог - актриса. Но почему, почему, почему дети так часто на дух не переносят всяких там «заслуженных», а её, «не педагога», просто обожают?!

Мы нашли общий язык как-то сразу. С самой первой минуты. После репетиций могли часами гулять в сквере перед Домом пионеров. Наши откровения не знали границ. Я её заворожено слушал, а потом читал стихи, рассказывал о своей жизни. Это была счастливая встреча двух родных душ – совсем взрослой и ещё довольно юной. Встреча двух по-своему одиноких сердец, так стремящихся просто выговориться.

- Театр был для меня всей моей жизнью, поверишь ли? Я так мечтала о большой сцене... Я хотела сыграть что-то такое... чтобы меня запомнил мир, - рассказывала она. – Я училась в Одессе, филиал московского ГИТИСа, на актёрском. Ну вот... у нас дипломная работа – выпускной спектакль. Ставим «Сон в летнюю ночь» Шекспира... Какой сюжет, какие образы... Я играла Гермину... «Но, фея, прочь, уж близко Оберон!..» В зале – овации, цветы, море цветов... За кулисы приходит один режиссёр... заслуженный-презаслуженный... знаменитый-презнаменитый... Его имя и сейчас ещё у всех на слуху. Обходительный такой... ручки целует... милочка, говорит, вы просто клад, вы такая-растакая... такое сокровище не должно пропадать... короче, я вам даю роль. А начинающему актёру получить роль в профессиональном театре – вот так, сразу... это больше, чем мечта, это – из области несбыточного. Даже любая задрипанная, третьестепенная... Ты выходишь на сцену... И у тебя есть шанс – раскрыться, чтобы тебя заметили.

Прихожу я в этот знаменитый театр. Что тебе сказать? Они там «Маленького принца» ставили. Актёры – дерьмо. Полное. В главной роли – старпер, за семьдесят. И тут... подкатывает главный, тот, который приглашал меня. Галантно так меня под ручку, и в гримёрную. А что, милочка, нравится ли вам обстановка, вопрошает. А я стою, ни жива, ни мертва. Не могу от шока оправиться. С одной

стороны, что я здесь и с ним сейчас разговариваю, с другой стороны – от этой репетиции и первого знакомства с труппой... Вот он мне и говорит, мы, говорит, примем вас в нашу дружную актёрскую семью. Я давно искал такую женщину, как вы... мужчина я одинокий и страстный... И, представляешь, скотина, пытается взять меня силой. Я в него горшком цветочным запустила...

Проходит какое-то время, является ко мне домой. Нашёл же, окольными путями адрес мой выведал. Я думала, извиняться будет... Ага, щас же ж! Я, говорит, потрясён, до глубины души. Да вы просто ведьма. Вот именно о такой я и мечтал. Огонь в глазах... накал страстей... Я даже готов вам с ходу предложить главную роль в «Принцессе Турандот» - за определённые сексуальные услуги... Так прямо и предложил. В лоб, без обиняков.

Ну что тебе сказать? Покочевала, поскиталась я по театрам достаточно. Везде одно и то же. Большинство – посредственность, серая масса. Везде - жёны главных режиссёров, любовницы главных режиссёров, родственники главных режиссёров; такой состав труппы. И чтобы получить главную роль, нужно переспать с Главным, а заодно и с частью труппы. Мужской. Это основной критерий отбора. А я, знаешь, брезгливая от природы. Да и, как ни парадоксально это звучит, я мужа любила. Ни на кого больше не смотрела.

В общем, потыкалась, помыкалась – и в Дом пионеров пришла, знакомая одна присоветовала. К тому времени у нас с Лёней Артём родился... Кто актёр, Лёня? Ой, да не смеди меня, какой он актёр, я тебя умоляю! Он у меня вечным резервистом был. За всю жизнь на сцену, может, два раза выходил – помочь убрать лишние декорации...

Но человек был! Человечище! Хотел объять необъятное – весь мир любил, такое сердце у него было! Вот оно, это сердце, и не выдержало...

Нет, не вышло из него актёра. На завод пошёл работать. От звонка до звонка. Времена тогда были тяжёлые – Лёня гроши получал, Артём маленький, Леночка родилась, я в декрете... Лёнина получка – большой праздник в семье. И вот в день получки приходит он домой, виновато так на меня смотрит... Что, говорю, денег не дали? Да нет, отвечает, дали... просто... не донёс.... Нет, Вовочка, не

украли. Вернее, украли, но не у него... Женщину плачущую на остановке увидел... Был бы он не Лёней, если бы не подошёл... Женщина оказалась не местная... Ну, ты понимаешь... Деньги, документы – всё вытянули. Обчистили полностью. А ей в Саратов возвращаться, она здесь в командировке была... Что было дальше, ты тоже понимаешь... Месяц вообще, считай, сидеть без денег – моё пособие не в счёт... Я ему, Лёнь, а ты уверен, что у неё действительно всё украли? А он, да ты что, мать, как можно... Это был тот редкий случай, когда Лёня оказался-таки прав – мы из Саратова денежный перевод потом получили. И письмо, тёплое-тёплое...

А то шли мы как-то домой, после нашего спектакля. Поздно было. Детки мои классно выступили. Потом, как обычно, долго сидели, обсуждали... Возвращаемся, значит, пустынными улицами, и видим картину: трое мужиков к девчонке пристают. Вокруг – ни души. Ну, мой Лёня к ним: «Вы чего, говорит, мужики? Отпустите её, она же совсем маленькая...» Наивный был мой Лёня, добрый и наивный... Один из них, не говоря ни слова, кастетом ему про меж глаз... А Лёне моему много надо? Упал как подкошенный... С тех пор и начались у него мигрени, головокружения. А сердце слабое всю жизнь было – врождённый порок. Приступы тогда у него участились. И всегда молчал, не признавался... Зато у меня, чуть что-то хрустнет, кольнёт, сразу подскакивает: «Что, Танюшка? Что?!» С Артёмом носился по врачам, болел он у нас в детстве часто. А вот с Леночкой нанянчиться не успел...

Просыпаюсь как-то среди ночи от его стонов. Я вскочила, включаю свет, вижу: лежит, синий весь. Пододеяльник во рту, чтобы громко не стонать. «Что, Лёнечка? – спрашиваю. - Сердце?» А он мне: «Тише, детей разбудишь...» Так и умер - с пододеяльником во рту – чтобы громко не стонать...

Ты чего так расстроился, дурачок? Это ж давно было... Вот засранец, заразил тётку... Так и будем, что ли, вдвоём с кроличьими глазами теперь сидеть?..

- Знаешь, почему так здорово работать с детьми? – говорила мне она. – А ты посмотри на них внимательно. Сколько задора,

энергии, огня, сколько желания... И – чувства. Если любить – так на всю жизнь. Ненавидеть – до гробовой доски! Нет, эти не обманут... да ты взглядишь: они же не играют, они *живут этим!* - И тут же, не переводя дыхание, реплика на сцену: - Богданчик, золотце моё! Ты же Чебурашка, а не наёмный убийца! Слышишь, Че-бу-раш-ка... Тебе надо тихонько так постучать в двери и сказать: «Гена, открой скорее! Это я!» Чебурашка – существо тонкое и кроткое... А ты боевиков посмотрелся и триллер хочешь нам тут устроить... Сделай лицо попроще, я тебя умоляю! С таким выражением лица, знаешь, как твоя реплика должна звучать? «Открывай, сопля зелёная! Это я, Чебуратор! Мочить тебя, гниду, пришёл!..»

Я бегал к ней на репетиции так, как бегают на свидания. Я ждал их, этих репетиций, так, как ждут чего-то радостного и значительного. Её репетиции, спектакли, концерты превращались в весёлые, шумные праздники. И, что самое замечательное, я не был на них сторонним наблюдателем, никто из нас не был. Мы участвовали, созидали, ставили...

- Боже мой! – говорила нам она. – Сколько ещё, оказывается, есть сумасшедших, одержимых детей!..

возвращаясь к дневнику...

Маленькое интервью

Вопрос: - Татьяна Юрьевна, какие, на Ваш взгляд, качества необходимы для работы руководителю драмкружка?

Ответ: - Доброта, честность, озорство, контакт с ребятами, умение выбрать материал, работать с литературой, умение раскрыть индивидуальность в каждом ребёнке...

Вопрос: - Обязательно ли быть для этого актёром?

Ответ: - Актёрская подготовка – на 80 % залог общего успеха. Исключение составляют лишь самородки... как вы, например (*кивает в нашу сторону, смеётся*)... да, это очень важно!

Вопрос: - Какие качества Вы больше всего цените в человеке?

Ответ: - Доброту, чувство юмора, экспрессивность и всё то, о чём уже я сказала.

Вопрос: - Какие мужчины Вам импонируют?

Ответ: Добрые. Доброта – то, без чего я вообще не мыслю человеческих взаимоотношений.

Вопрос: - Ваш любимый драматический актёр, актриса?

Ответ: - У меня их несколько: Янковский, Неёлова, Жан Габен, Анна Маньяни...

Вопрос: А поэт?

Ответ: - Тоже несколько: Фёдоров, Поль Элюар, Шекспир (сонеты), Генрих Бёлль, Омар Хайям («Рубайи»)...

Вопрос: - Любите ли Вы готовить? Если да, у вас наверняка есть фирменное блюдо. Какое?

Ответ: Люблю – когда есть время. Фирменное блюдо - грибы. Ещё люблю печь. Очень люблю варить украинский борщ. Приобщаю к кулинарному делу Артёма. Кажется, он поверил, что в будущем из него выйдет неплохой кулинар...

Вопрос: - Самый счастливый день в вашей жизни?

Ответ: - Их два. Дни рождения Артёма и Леночки. Счастливых дней было много, но самые главные – эти.

Вопрос: - Были ли в Вашей жизни курьёзы?

Ответ: - Да сколько угодно! Ну, вот такой, например. Еду как-то в трамвае с двухлетним Артёмом (дело было в Одессе). Посадила его на сидение, сама рядом стою. Вдруг ловлю на себе взгляд молодого человека. Красавец: волевой подбородок, орлиный нос, серые глаза... настоящий денди. Ну, думаю, точно: сейчас клеить начнёт. Подошёл. За руку взял, за запястье. И душевно так говорит: «Не стыдно вам, женщина, ребёночка усаживать, когда вокруг столько стариков стоят? Он же у вас будущий мужчина!» Я растерялась – совсем ведь о другом подумала... В общем, что-то в ответ пролепетала, двери открылись, он вышел. Стоит на остановке, смотрит на меня, посмеивается. А в руке у него, в той, которой он меня за запястье держал, - часы. Я быстро схватила себя за то самое запястье... Ну да, конечно, ты всё понял... Мои часы остались у него. Двери закрылись, трамвай поехал. И тут меня начал разбирать дикий какой-то, неестественный смех... Первую половину пути пассажиры пытались узнать у меня, в чём дело, а вторую половину – утешали; часы ведь

дорогие были, импортные. А я, поверишь, сколько эту забавную историю не вспоминала, о часах ни разу не пожалела... Вот так-то.

Вопрос: - Есть ли у Вас хобби?

Ответ: - Есть – массовик. Это одновременно и хобби, и вторая профессия.

Вопрос: - Что такое, по-Вашему, любовь?

Ответ: Это взаимное жаление. Не жалость, а именно *жаление*. Умение приласкать, пожалеть в трудную минуту, принять боль любимого, как свою... нет, больше, чем свою... Великий это талант, поверь мне!

- Пробуйте, ищите себя, никогда не останавливайтесь на достигнутом! – говорила нам Татьяна Юрьевна. – Не бойтесь неудач. Не расстраивайтесь, если с одними будет получаться, а с другими – нет. Чтобы вообще ничего не получалось – у вас такого не будет. Вы – дети талантливые. Да, да, у вас есть талант, и я не боюсь вам об этом говорить. Если дураку скажешь, что он талантлив – всё, считай, убил ты в нём эту искру.... Перестанет работать над собой, возгордится: «Я – талант!» Вам – можно говорить об этом. И – нужно. Чтобы не пропал даром ваш талант – верьте в себя, *горите!*..

заметки на полях

...наверно, и в последний свой час вспомню я её слова, сказанные во время нашего очередного телефонного разговора:

- Вовочка, совет маленький хочешь?

- Конечно, хочу!

- Веди себя иногда неприлично, ладно? Постоянная правильность слишком утомительна...

Она знала обо всех моих уроках и проделках. О сорванном «ленинском» уроке сказала, что дуракам всегда везёт, что вообще непонятно, как это я так дешёво отделался. Об уроке, посвящённом Чернобылю, отозвалась очень уважительно. По её мнению, Страна Дураков в сочетании со всем остальным, сказанным тогда, - настоящая находка. Сдержанно отозвалась об уроке, посвящённом первому сексуальному контакту. Призналась, что это не её стиль. Потирала руки, когда я рассказывал про урок в ПТУ, сказала,

молодец, не ожидала. От души смеялась, когда я рассказывал про наши похождения с Костиком и Серёгой в ГПД, восхищалась Надюшкой. Услышав мою «педагогическую концепцию» про любимчиков, очень заинтересовалась. С особым вниманием выслушала мой рассказ про Сашу. Хитро сощурившись, попросила познакомиться – не сейчас, конечно, а лет так через несколько... А когда я рассказывал про декана Мороза, СПРУТ, ХРЕН, итальянский национализм и про авторский вечер покойного Платона Воронько – мы сидели в кафе и ели борщ – она так прыснула, что забрызгала этим борщом себя, меня и занавески...

Она никогда не отбирала детей, она их просто любила. «Каждый ребёнок – это талант, – говорила она. – И моя задача – раскрутить этот талант на полную катушку!»

Я работал с шестым – седьмым классом, с возрастом, которого раньше боялся как огня. Она спросила, с какими детками я хочу работать. И, не подозревая подвоха, я сказал, с какими угодно, только не со средними классами... «От комплексов надо избавляться хирургическим путём! – утверждала Татьяна Юрьевна. – В одно прекрасное утро ты проснёшься и поймёшь, что все твои страхи были – от незнания. Незнания себя, своих возможностей». Должен сказать, что от страхов я избавился в течении первых пяти минут...

За пол года работы с Татьяной Юрьевной дети вытворяли невероятное. Я видел, как они читали стихи, как играли. У Михаила Шолохова есть рассказ «Судьба человека». О том, как уже немолодой солдат вернулся с войны, и не нашёл никого из родных. Даже дом свой не нашёл. Встретил мальчика, такого же одинокого и потерянного, как он сам. Мальчика, который искал своего папу, ушедшего на фронт. И тогда этот немолодой, повидавший виды солдат, признаётся мальчику, что он и есть его отец...

Надо сказать, что в то образцово-показушное время, когда праздники в школах ещё устраивались, дабы усладить тусклый взор заскорузлых чиновников из минпроса, когда программы спускались сверху и без обсуждения приводились в исполнение, когда «датские» концерты (посвящённые какой-то дате) были скучны и угрюмы, как

лекции декана Мороза «про дисциплину та самосвідомість», когда в курилке говорили одно, думали другое, а вслух произносили третье, Татьяна Юрьевна умудрялась творить шедевры.

Когда ставили «Судьбу человека», мальчика играл наш Сеня, а солдата – один из родителей (Татьяна Юрьевна и их подключала!), после Сениной игры зал рыдал! И Татьяна Юрьевна не была исключением. Она сама поражалась, как можно в 12 – 13 лет изобразить такой накал страстей. Как будто это не она кричала ему из зала во время репетиций: «Сеня, сынок! Заставь двигаться своё лицо! Оживи глаза! Ты же не мумию египетского фараона играешь!..»

Подготовка

На нас надвигалось плановое торжественное мероприятие. Оно давило масштабностью и сверхзадачами, количеством приглашённых чиновников. Для меня это мероприятие было моей выпускной дипломной работой по курсу «театральная специализация», для Татьяны Юрьевны – очередной проверкой её «профессионального уровня». На мероприятие сгонялось несколько школ района – столько, сколько в состоянии был вместить зал Дома пионеров. И ещё, конечно, завсегдатаи из министерства.

Как нетрудно догадаться, с её характером, у неё была масса недоброжелателей и завистников, спавших и видевших её провал.

Её бы давно уже съели с потрохами и фамилии бы не спросили, если бы не блестящие выступления её учеников, победы на фестивалях и конкурсах, и если бы не поддержка родителей. Но у функционеров - свои задачи, и с упорством, посрамляющим самых твердолобых представителей крупного рогатого скота, они продолжали выискивать повод...

О себе она вообще не говорила. Хотя готовила, подбирала музыку, репетировала сама. И в случае провала, она, как главный режиссёр, получила бы по голове гораздо больше, чем я, формальный руководитель спектакля (да, мы решили, что это будет именно спектакль), в обязанности которого входило только быть его ведущим, тихонько подсказывая на сцене, соединяя смысловые

куски, объявляя исполнителей, и в конце прочитать заключительный монолог.

В ночь перед спектаклем страсти и нервы бушевали вовсю.

- Слышишь, - сказала она, когда мы остались одни. – Твоя задача доказать этим толстожопым чудилам с большой буквы «М», что у нас – свой детский театр, а ты – его режиссёр, маэстро. Что мы можем так прошибить зал, сорвать такие аплодисменты, что у них челюсти вставные повыпрыгивают. Их отзывы тебя пусть не волнуют. Они такие же театральные критики, как мы с тобой – танцоры эротического балета. Но дети... ты понимаешь, и зрители... они должны увидеть такое, о чём потом не смогут забыть.

Сценарная разработка была построена по принципу литературно-музыкальной композиции: стихотворные монологи сменялись речитативами под музыку, фоном шла ретроспектива: солдат в землянке, ночью, перед боем, пишет письмо любимой... Опять музыка, танец смерти, неминуемо опоясывающей, накрывающей батальон своими чёрными крыльями... И в конце – монолог в моём исполнении, узкий мост от павших к живым...

Мы пропадали днями на репетициях, родители забирали детей и в десять, и в одиннадцать вечера... И уже не имела значения оценка комиссии моего дипломного проекта (кто, вообще об этом вспоминал!) - идея, воплощение, реакция зала, вот что было важнее всего!..

В день спектакля она ко мне подошла. Её лицо пошло красными пятнами, глаза сверкали нездоровым, недобрый блеском.

- Татьяна Юрьевна, - спросил я почти со страхом. – Случилось что-то? Она как-то странно улыбнулась.

- А... нет... ничего. Ничего не случилось. Умер Мингисту Хайле Мариам, вождь эфиопской революции, великий друг советского народа. Официально траур не объявлен, но есть негласная инструкция: не кричать, не хлопать. Так что оваций не будет, Маэстро. Вечер пройдёт в полной тишине. Спасибо, ещё музыку разрешили оставить. Я им пообещала: музыка будет траурная, жалобная... по случаю смерти.

- Как...?.. – пролепетал я, совершенно пристукнутый, не в состоянии

осознать происходящее.

- А я знаю, как?! – зашипела она. – Залез на пальму, прищемил хвост, обжог себе задницу и эфиопнулся вниз, башкой в крокодилий питомник...

- Вовочка, я тебя люблю! – одними губами прошептала она. И тут же, как всегда, с иронией: - Ваш выход, Маэстро!

Я переминался с ноги на ногу и исподлобья умоляюще-выразительно смотрел на неё. Наверное, в моём взгляде легко читалось: «Не бросайте меня, Татьяна Юрьевна!..»

- Вовка, всё. Иди. Дети заждались! – тоном, не допускающим ни сантиментов, ни возражений.

И, когда я уже заходил в класс за детьми, пробурчала вслед:

- Попробуй только спектакль завалить, засранец!

из педагогического дневника

«Рассвет ещё вернётся!..»

Это был не спектакль, нет. Это было театральное действие, описать которое я просто не в состоянии – я ведь был не зрителем, а его участником...

Единственное, что запомнилось, горящие глаза сотен зрителей заполненного до отказа зала, обливающиеся потом лица ребят-актёров, их дрожащие руки, и – динамика, динамика, динамика... Бесконечная динамика. Нескончаемый марафон движений, пауз, интонаций, жестов...

«Рассвет ещё вернётся! – Обращается к залу лирический герой. – Ещё будет весна, цветение, множество красок. Только не будет чёрного. И серого не будет. А ещё – ещё не будет этой самой долгой бессонной ночи. И наверное... наверное... меня не будет тоже. Но будет рассвет...»

После этого письма, написанного вникуда перед боем, звучит завершение. Я читаю стихи.

БАЛЛАДА О МОЛЧАНИИ

Был ноябрь по-январски угрюм и зловещ.
Над горами метель завывала.
Егерей из дивизии «Эдельвейс»
Наши сдвинули с перевала.

Командир поредевшую роту собрал
и сказал тяжело и спокойно:
- Час назад меня вызывал к себе генерал.
Вот, товарищи, дело какое.

Там – фашисты. Позиция немцев ясна.
Укрепились надёжно и мощно.
С трёх сторон – пулемёты, с четвёртой – стена.
Влезть на стену почти невозможно...

Остаётся надежда на это «почти».
Мы должны, - понимаете, братцы?
Нынче ночью на чёртову гору вползти.
На зубах – но до верха добраться!

А солдаты глядели на дальний карниз,
и один, - словно так, между прочим, -
вдруг спросил: - Командир, может, вы – альпинист?
Тот плечами пожал: - Да не очень...

Я родился и вырос в Рязани, а там
горы встанут, наверно, не скоро...
В детстве лазал я лишь по соседским садам.
Вот и вся «альпинистская школа».

А ещё, - он сказал, как поставил печать, -
там у них – патрули! Это значит:
если кто-то сорвётся, он должен молчать.
До конца. И никак не иначе!

...Как восходящие капли дождя,
как молчаливый вызов,
лезли, наитием находя
трещинку, выемку, выступ.

Лезли, почти сроднясь со стеной, -
камень светлел под пальцами.
Пар поднимался над каждой спиной
и становился панцирем.

Молча тянули наверх свои
каска, гранаты, судьбы.
Только дыхание слышалось и
стон сквозь сжатые зубы.

Дышат друзья. Терпят друзья.
В гору ползёт молчание.
Охнуть – нельзя. Крикнуть нельзя.
Даже – слова прощания.

Даже – когда в озноб темноты,
в чёрную прорву ночи,
всё понимая, рушишься ты,
напрочь срывая ногти!

Душу твою ослепит на миг
жалость, что про́жил мало.
Крик твой истошный, неслышный крик
мама услышит. Мама...

Лезли те, кому повезло.
Мышцы в комок сводило, -
лезли! (Такого быть не могло!
Быть не могло. Но – было.)

Лезли, забыв навсегда слова,
Глаза напрягая до рези...
Сколько прошло? Час или два?
Жизнь или две? – Лезли!..

Будто на самую крышу войны.
И вот, почти как виденье,
из пропасти на краю стены
молча выросли тени.

И так же молча – сквозь круговерть
и колыханье мрака – шагнули.
Была безмолвной, как смерть,
страшная их атака!..

Через минуту растаял чад
и грохот короткого боя.
Давайте и мы иногда молчать,
об их молчании помня.

Кажется, я хотел что-то добавить от себя, но голос мой дрогнул.

А в зале воцарилась тишина. Торжественная, щемящая. Вглядываясь в напряжённо внимательные лица зрителей, я в очередной раз понял: артисту, учителю не обязательно подыскивать красивые слова, говорить складно, как по написанному. Достаточно просто быть искренним. И волноваться, говоря о волнующем. И не бояться этого. И всё время гореть. И ни в коем случае не думать о том, что когда-нибудь сгоришь дотла...

Продолжение следует